

Диана Борисовна Бош

Все совпадения не случайны

*Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=323742
Все совпадения не случайны: Эксмо; Москва; 2010
ISBN 978-5-699-42450-4*

Аннотация

Никита был без ума от своей жены и верил ей, как себе. Но однажды он получил конверт с откровенными фотографиями Эльзы и не раздумывая кинулся по указанному адресу. Дом оказался оцеплен милицией – из подъезда выносили чье-то тело...

Вокруг Эльзы творилось нечто непонятное. Сначала странный незнакомец напугал ее в магазине. Вскоре она неожиданно встретила его в доме своей подруги. Что произошло потом, она бы предпочла забыть навсегда...

Майор Лямзин понял, что имеет дело с серией: кто-то убивает светловолосых девушек, оставляя на груди жертвы красную бабочку-оригами. Как же предотвратить очередное преступление?..

Мы часто принимаем за истинные чувства то, что оборачивается искусной подделкой. Чтобы понять, где скрывается ложь, надо не побояться заглянуть в омут чужой души...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	19
Глава 3	33
Глава 4	43
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Диана Бош

Все совпадения не случайны

Автор благодарит

Сергея Скрыпника, подполковника полиции, с радостью отвечавшего на самые странные вопросы;

Валерия Свиридова – за помощь в сборе материала и поддержку;

Светлану Абрамову, психолога, чей оптимизм и вера так помогали.

Все события вымышлены, а совпадения случайны.

Лавров смотрел на стол перед собой.

«Вглядитесь в лицо, Никита Сергеевич, – писал незнакомец, – не трудно догадаться, что эта женщина только что испытала радость любви, и заметьте, отнюдь не с вами...»

На фотографии была Эльза. Его милая, славная Эльза, которую Лавров после восьми лет брака готов был по-прежнему носить на руках, которой готов был дарить цветы и устраивать маленькие праздники, столь много значащие для влюбленных. Под левым глазом ее осыпалась тушь, рот слегка приоткрыт, а в глазах застыла такая нега, что сердце Никиты заныло от боли. Сомнений не оставалось: Эльза изменила ему.

«...Если вы придете по указанному ниже адресу сегодня утром, то вполне успеете застать вашу жену с любовником», – было написано дальше.

– Но почему, почему? – прошептал Никита, роняя голову на руки.

Потом он достал из ящика стола пистолет, медленно набил патроны в обойму, сухо щелкнул, вставляя ее в рукоятку, и, взяв со стола записку с адресом, вышел. Зубаревский переулок, дом сто пятьдесят пять – это совсем рядом, всего лишь пара кварталов. Несколько минут – и он на месте.

Глава 1

Никита, привлекательный худошавый мужчина, шел торопливо. Временами он переходил на бег, и каштановые волосы ветром зачесывало назад, открывая высокий лоб. Серые глаза его были сосредоточенны и злы. Никита вспоминал.

Проснувшись сегодня утром в супружеской постели, он не обнаружил рядом с собой жены, но не почувствовал волнения. Обычное дело: Эльза и раньше любила гулять по ночам. Иногда, заработавшись до утра, она выскакивала в магазин и покупала свежую выпечку, или клубнику, или взбитые сливки. И тогда они вместе пили на кухне чай, а потом Никита уходил на работу, Эльза же отправлялась спать. Он подумал, что и сейчас произошло нечто подобное, и ему даже показалось, что он слышит шум льющейся воды и позвякивание посуды на кухне.

Лавров встал, взъерошил ладонью волосы и прошел по коридору. Но на кухне жены не оказалось. Не было ее и в ванной, и в мастерской. Грязные кисти, небрежно оставленные на столике у мольберта, заставили его насторожиться: Эльза всегда мыла их, закончив работу. Светлая штора на окне была откинута, и ее трепал ветер, на подоконнике – остывший кофе. Никита взял чашку в руки и задумчиво посмотрел в ее коричневое нутро, словно пытаясь прочесть, куда ушла жена. Очнувшись, закрыл форточку и задернул штору.

Вернувшись на кухню, поставил чайник на плиту и набрал номер телефона Эльзы. И долго слушал длинные гудки, набирая номер снова и снова. Спohватившись, что чайник давно вскипел, положил в чашку мелко смолотый кофе и залил кипятком. Конечно, лучше было бы сварить, но уже не было времени, да и лень. Он пил, глядя в светлеющее утреннее окно, и нервно прислушивался к шагам в подъезде. Никита все еще не чувствовал волнения, только раздражение оттого, что Эльза опять ослушалась и вышла из дому затемно, да еще и так задержалась. Уж сколько раз они ссорились из-за этого, но жена только отмахивалась. Ей казалось, что будь у них дети, Никита бы так сильно не беспокоился о ней. Но он-то знает, что и тогда волновался бы не меньше.

Звонок городского телефона заставил вздрогнуть. Никита машинально взглянул на часы – ровно семь.

– Алло!

Тишина, какой-то скрип, тяжелое дыхание и затем короткие гудки отбоя. Явно кто-то ошибся номером, а разговаривать не пожелал.

Душ, бритье, чистая рубашка и еще кофе – слишком горячий и слишком сладкий: задумавшись, насыпал сахар два раза. Брезгливо отодвинув недопитую чашку, Никита торопливо прошел в прихожую и, схватив с вешалки плащ, побежал по лестнице вниз, одеваясь на ходу. Нужно было прийти на работу пораньше, а время уже приближалось к восьми.

На выезде со двора его подрезал рыженький «москвичок», едва не задев бампером и не оцарапав бок. Никита резко затормозил и, выскочив, нервно оглядел блестящее лаковое покрытие своего авто.

– Прав бы таким не давать, – пробормотал он. И тут вдали вроде бы мелькнуло бежевое пальто жены.

Сразу забыв о «Москвиче», Никита поспешно сел за руль и нажал на газ. Он собирался догнать Эльзу, но тут же отказался от этой затеи: во встречном потоке машины двигались медленно, и он потерял бы много времени на разворот. А опаздывать было никак нельзя: предстояла важная встреча. Да и Эльза наверняка успела пройти во двор и сейчас уже подошла к подъезду.

Эта мысль успокоила Никиту. Вечером он обязательно серьезно поговорит с женой, потребует, чтобы она прекратила выходить затемно одна. Скажет, что не только ее одинокие ночные прогулки не нравятся ему, но и ранние утренние пробежки тоже.

Мысли его сразу переключились на предстоящую сделку. Лавров прокрутил в голове заготовленные заранее слова и еще раз продумал ответы на возможные вопросы. Обмозговано все до мелочей, и осечки быть не должно. А его фирме сейчас, как никогда раньше, нужен этот заказ! Финансовое положение ее недавно покачнулось, и заключение выгодной сделки позволит не только продержаться на плаву, но и начать затем плавный подъем.

Настрой у Никиты был рабочий, деловой, и он думал, что ничто не сможет выбить его из колеи. Недалеко от офиса заглох мотор, но это показалось пустяком. Более серьезную проблему составил провалившийся сквозь решетку и потонувший в сточной канаве телефон, выбитый из руки каким-то раззявой. Но и здесь Никита остался равнодушным: к счастью, в сейфе лежит новый телефон, а сим-карту можно восстановить.

Секретарь выскочила ему навстречу, торопясь что-то сказать, но Никита нетерпеливо отмахнулся.

– Потом, потом! Сейчас, Марина, лучше вызовите автосервис, у меня что-то с машиной. Да, и позвоните представителю моей телефонной сети, нужно восстановить сим-карту.

– Никита Сергеевич... – Миниатюрная девушка семенила за ним, пытаясь успеть за его широкими шагами, но Никита, не останавливаясь, кинул ключи от автомобиля на секретарский стол и скрылся в кабинете.

Там на столешнице аккуратной стопкой лежала свежая почта с аляповато-желтым конвертом сверху. Никита небрежным жестом сдвинул стопку на край и углубился в чтение бизнес-плана. Через час, убедившись, что все сделано идеально, взял желтый конверт и вскрыл его. На колени упала фотография Эльзы и узкий листок с коротким, распечатанным на принтере письмом.

Кровь ударила в голову. Никита влетел в приемную и затряс перед носом девушки пустым конвертом.

– Где вы это взяли, Марина? – заорал Лавров.

Она испуганно вжалась в кресло, в ее глазах плеснулась обида.

Одинков, тихий скромный человек, временно исполняющий обязанности главного бухгалтера фирмы, высунулся из соседней двери и осуждающе покачал головой, глядя на Никиту.

– Я же сразу хотела вам доложить, Никита Сергеевич, как только вы пришли. – Марина покрылась красными пятнами и едва не расплакалась. – Это письмо посыльный принес, странный такой. «Велено лично в руки передать», – заявил. Но потом оставил, и я положила на ваш стол. Не надо было?

– Что за человек, откуда? – Никита сжал пальцы в кулаки, сдерживая дрожь.

– Я не знаю, непонятный какой-то...

– Выражайтесь точнее, Марина! Или у вас исчерпался словарный запас? – прошипел Никита. – Что в нем было непонятного? У него были рога? черные крылья? копыта?

Подбородок девушки задрожал, и из глаз покатались крупные, словно градины, слезы. Одинков выдвинулся из двери так, что стал заметен его мешковатый старомодный пиджак на сутулой фигуре и потертые брюки. Он многозначительно кашлянул и поправил на носу нелепые дымчатые очки с толстой оправой и крупными стеклами.

– Простите. Сам не знаю, что говорю. Пожалуй, это неважно. Совсем неважно. – Никита крупными шагами пошел к двери кабинета.

– Пойдите! – Марина кинулась следом, заставив Лаврова обернуться. – На нем были вязаная шапочка, линялый спортивный костюм, вытянутый на коленках, и безобразные чер-

ные ботинки. И еще меня поразило, что лицо у него отекавшее, как у алкоголика, а речь – витиеватая, как у дореволюционного профессора.

– Вам часто в жизни встречались алкоголики и старомодные профессора? – Никита и сам не знал, зачем это сказал, может быть, только для того, чтобы скрыть, как ему плохо.

– Папаша мой, царство ему небесное, пил, пока не помер. А профессоров я только в кино видела, – смутилась Марина. – Я спросила, как сказать, от кого конверт, и тут у посыльного в глазах явно мелькнул страх.

– Страх?

Марина согласно затрясла головой, и глаза ее расширились так, словно она и сама сейчас увидела что-то ужасное.

– Да-да, он явно чего-то боялся. Очень сильно боялся, до паники.

Одинков иронично засмеялся.

– Вам, Марина, нужно меньше мистики перед сном читать, – буркнул Никита и недовольно покосился на Одинкова. Почему-то сейчас его круглые щеки, нечистые длинные волосы и скрывающие пол-лица очки особенно сильно раздражали. – Вы бы нашли время для похода в парикмахерскую да костюм новый купили, Одинков. Уже перед посетителями стыдно.

Улыбка сползла с лица главбуха, и он поспешно скрылся за дверью.

В кабинете отчаяние охватило Никиту с новой силой. Он взял в руки фото и всмотрелся в лицо Эльзы: губы приоткрыты, а в глазах такая сладострастная нега, что сердце его сжалось. Как можно быть такой двуличной?! Ему и в голову не могло прийти, что жена ему изменяет! Надо же, всегда была так естественна и мила, словно и не держала камня за пазухой. Интересно, когда это происходило? Никите казалось, что он знал буквально каждый шаг своей жены, все ее мысли и желания. Оказывается, не знал. И эти ее прогулки по ночам... Что за странная прихоть – болтаться по ночному городу? Сколько раз запрещал, а все без толку, все равно делала так, как хотела...

«А ведь я понятия не имею, чем занималась Эльза в то время, когда я спал, – обожгла предательская мысль. – Что, если все случилось именно тогда?»

Брезгливое чувство охватило Лаврова, он показался себе ничтожным, глупым. Спящий муж и изменяющая ему в то время жена – что может быть отвратительней?!

«Проспал свое счастье», – каркнул в голове противный голос и скрипуче засмеялся.

Никита закрыл уши руками, словно это могло избавить его от внутреннего диалога с самим собой, и сдавил голову так, что невольно застонал от боли. Потом его начала бить дрожь, он нервно схватил записку и снова перечитал ее.

«...Если вы придете по указанному ниже адресу сегодня утром, то вполне успеете застать вашу жену с любовником».

Пистолет. Патроны. Обойма. Мобильник. Плащ.

Лавров хлопнул дверью кабинета, пронесся мимо Марины, не обращая внимания на ее причитания и попытки что-то объяснить, и вышел из офиса.

На улице тем временем разбушевалась непогода. От теплого туманного утра не осталось и следа, подул холодный северный ветер, пронизывающий до костей. Никита пожалел, что оделся слишком легко для октября, и чтобы хоть как-то согреться, плотнее запахнул полы легкого плаща. Потом поднял воротник, но помогло все равно мало: его трясло, как в ознобе, и наверняка со стороны он выглядел довольно жалко.

«Надо было взять такси, неудачная погода для прогулок, – мрачно подумал Никита. – Хорошо хоть недалеко идти».

В этот момент окно в доме напротив внезапно отворилось, оттуда донеслась громкая музыка, звуки ссоры, и в Лаврова полетела початая бутылка водки.

Никита шарахнулся, дав бутылке беспрепятственно разбиться об асфальт, и, не оглядываясь, пошел дальше. Возможно, в другой день он не преминул бы крикнуть что-нибудь грозное в не успевшее еще захлопнуться окно, но сегодня ему было не до того. Сегодня мир его рухнул, разделившись на «до» и «после», и вся житейская суета перестала существовать.

На углу Зубаревского переулка Никита остановился, окинув взглядом огромную лужу. И только он хотел попытаться перескочить ее, рискуя, впрочем, промочить ноги, как вдруг кто-то цепко схватил его за рукав.

– Помогите мне, молодой человек, – продребезжал старческий голосок, – переведите через дорогу.

Старушка была сухонькая и такая маленькая, что изрядно не доставала Никите до плеча. Казалось, ничего не стоит избавиться от нее: стоит только тряхнуть рукой. Но иллюзия тут же исчезла, когда бабуля второй рукой вцепилась в запястье Лаврова. В этот момент ему показалось, что в кожу впились металлические клещи.

Никита беспомощно оглянулся, ища взглядом, кому бы можно было перепоручить зловредную старушку, буквально висящую на нем, но улица, как назло, опустела.

– Ой, спасибо тебе, добрый человек, – бормотала сумасшедшая, – дай бог тебе здоровья, сразу видно, что ты хороший мальчик, не дал погибнуть под колесами. А то ведь ездят и ездят, спасу от них никакого нет. Я вот помню те времена, когда этой гадости и в помине не было, тишина да благодать! А если кому надо куда-ть перебраться, так садился на ентот, как его... – Старуха пошлепала беззубым ртом, вспоминая, и обрадованно закончила: – На экипаж.

– Экипаж, – машинально поправил Никита, не выносивший, когда коверкали слова.

– Так я и говорю – экипаж, – осуждающе покачала головой бабуля. – Глухой ты, что ль?

Лавров поставил ее на край бордюра и попытался отцепить сухонькие старушечьи лапки от своего плаща. Но не тут-то было.

– Э, милоч, ты б и в квартиру помог подняться, мне одной не дойти. Да тут недалеко, аккуратно рядом с квартирой профессора Каретникова, того, который в год казни царя преставился.

– Сколько ж вам лет, бабушка? – изумился Лавров.

– Сколько, сколько... Сколько есть, все мои, кто их считает, – ворчливо ответила старушка. И вдруг ни к селу ни к городу четко произнесла:

О, этот зной!
Как изнывает тело, —
Над Бессарабией звенит жара...

Голос у нее изменился, став молодым, грудным, бархатистым, и Никита подумал, что, должно быть, его кто-то искусно разыгрывает, и старческая внешность – лишь результат мастерски наложенного грима. Он склонился ниже, пристально вглядываясь в лицо женщины, а та между тем продолжала:

Поэт походного политотдела,
Ты с нами отдыхаешь у костра...
Довольно бреда,
Только волны тают...

Строчки стиха напевно звенели, и из-под сморщенных век вытекла и затерялась в уголке рта слеза. Никита невольно присмирел, вдруг подумав о скоротечности времени, о

том, что оно, увы, не течет вспять и что всем нам есть о чем жалеть в том далеком прошлом, которое уже не вернуть.

Развить свою мысль дальше Лавров не успел, потому что старушка неожиданно резко оборвала стих, открыла глаза и сварливо-скрипуче произнесла:

– И чего ты стоишь и таращишься на меня? Так мы и до вечера не дойдем, а я устала. Лечь хочу.

Никита отпрянул, словно его поймали за чем-то непристойным, в сердцах хватанул бабулю поперек талии и энергично потащил по лестнице вверх, зло приговаривая:

– Ну что, бабушка, долго еще? Сказали – близко, а уж который этаж тащу, да все конца и края не видать. А у меня, между прочим, дела, я не свободный человек, и я, между прочим, тороплюсь. Меня ждут, в конце концов!

– Скоро, скоро, – ехидно успокоила его старушка. – А куды ты, милоч, торописся-то так, а? Никак, на свидание, к зазнобе? Боисся, не дождется тебя?

Никита от неожиданности поперхнулся, сгрузил зловредную бабулю, как тюк с бельем, на площадку между этажами, едва не впечатав в стенку, и нервно коснулся кончиками пальцев пистолета. Через ткань отчетливо прощупывалась рукоятка, и это подействовало успокаивающе.

– Ну да, на свидание, – буркнул он, криво усмехнувшись и пряча глаза.

– А ты не торопись, успеешь, – произнесла старушонка таким многозначительным тоном, что Никита вмиг покрылся испариной.

Ему вдруг показалось, что она совершенно точно знает все о нем. Возможно, бабка умеет читать в потемках чужой души или слышит мысли, а может быть, видит отражение смерти в его зрачках. Испугаться в полной мере Лавров не успел, потому что она снова резко сменила тему, превратившись в прежнее странно-дурашливое существо.

– От, ты гляди, что наделали, ироды, опять стенку измарали! – ткнула старуха пальцем, чтоб было точно понятно, куда смотреть. – Дык, хоть бы что приличное, а то ведь – срамота одна. И куды только родители смотрют, куды смотрют?

– Пойдемте, бабушка...

Никита мельком взглянул на весьма точно срисованные с Камасутры откровенные сцены и нервно потянул старушку за рукав, но та строптиво выдернула руку и как ни в чем не бывало, продолжила не то восхищаться, не то возмущаться. Интонации у нее менялись ежесекундно, и в какой-то момент Никите показалось, что на самом деле древнеиндийский эпос ей хорошо знаком, а ерничает она и играет, скрывая за дурашливым поведением что-то от собеседника или, может быть, от самой себя. Следующая же фраза в полной мере подтвердила его подозрения.

– Вот охальники! Ватсьяна¹ о любви писал, а они лишь о сексе да о сексе. «Кама» значит любовь, а «сутра» – нить. «Нить любви», наука страсти нежной, где свечи, музыка и благовония, и цветы...

Незнакомка вдруг закатила глаза и начала заваливаться набок, так что Никита едва успел подхватить ее и прижать к себе. Потом испуганно дернул ее вверх, держа под мышками, и завертел головой, соображая, что делать дальше.

«Скорее всего, придется ломиться в первую попавшуюся дверь и просить помощи», – подумал он и уже протянул руку, чтобы нажать кнопку звонка, как женщина пришла в себя. Она застонала и, встрепенувшись так, словно вспомнила нечто важное, плюнула в сторону стенки с Камасутрой.

– Тьфу, срамота.

¹ Ватсьяна – создатель Камасутры (Прим. автора).

«Ну, точно, сумасшедшая, – уныло подумал Никита, держа ее, как ребенка, на руках. – Вот денек-то выдался, врагу не пожелаешь: то известие об измене жены, то выжившая из ума старуха, от которой никак не удастся отделаться...»

– Ой, да вот же она, моя квартира! Вот здесь я и живу! – Женщина радостно забормотала, тыча пальцем в сторону черной дерматиновой двери.

– Ну и слава богу.

Никита облегченно вздохнул, поставил бабушку на ноги и попытался освободить из ее цепких пальцев свой плащ. Но та только сильнее вцепилась в него и заныла:

– Не бросай меня, мне опять плохо. Лезь быстро в карман, там у меня ключ лежит.

Лавров скрипнул зубами от злости, но спорить не стал. Запустив два пальца в вытянутый карман старого, пахнущего нафталином пальто, он наткнулся на что-то неприятно шершавое и еще какой-то хлам, но ключа не нащупал. Пришлось засунуть в карман всю ладонь. Разыскивая ключ, Никита вытащил на свет бережно хранимые хозяйкой мелочи – два целлофановых кулька, три конфетные обертки, шнурок, пять разных по размеру пуговиц яркой расцветки и, наконец, ключ, к которому грубой пеньковой веревкой, разлохматившейся от времени, была привязана... сухая лягушачья лапка. Обтянутая мумифицированной задубелой кожей, она тем не менее выглядела довольно крупной – судя по всему, лягушка была из тех, что размерами только чуть-чуть уступают курице.

– Ну, вкус у вас! Ничего поэстетичней для брелока не нашлось? – не удержался от замечания Никита, брезгливо морщась.

– А что такого? – равнодушно откликнулась старуха. – Брелок как брелок, ничем не хуже других, зато ключ никогда не теряю.

Никита открыл дверь, стараясь не прикасаться к лягушачьей лапке, вынул ключ из замочной скважины и, войдя, повесил его на гвоздик на стене.

– Дай сюда, – вдруг резко сказала женщина.

Никита слегка удивился, но виду не подал: к чему нервировать сумасшедших? Молча снял ключ с гвоздя и протянул старухе. То, что произошло дальше, поразило не меньше, чем сухая лапка в качестве брелока. Суетливо и быстро расстегнув нижние пуговицы пальто, бабуля задрала его и засунула ключ в карман платья. Выглядела она при этом так напряженно, будто выполняла чрезвычайно важную и ответственную работу, от которой зависела жизнь. Стоило же ключу оказаться в кармане, как морщины на лице хозяйки квартиры разгладились, и оно просветлело.

Бабуля бодро пошла вперед, что-то мурлыча себе под нос и прищелкивая пальцами, как вдруг замерла и начала оседать на пол. Никита бросился к ней, но она, вздрогнув, оттолкнула его. Выглядело это так, будто старуха успела забыть о нем, унесясь в свои, только ей ведомые, дали.

– Я сама, – грозно сказала она и, придерживаясь за стену, пошла дальше.

Никита нерешительно потоптался на месте, не зная, как правильно поступить, потом повернулся к выходу и взялся за ручку двери. И тут из комнаты донеслись странный всхлип, звон разбитого стекла и звук падения тела.

Картина, открывшаяся Никите, была неутешительной. Женщина лежала на полу возле изогнутых ножек массивного дубового стола. Падая, она, вероятно, схватилась за темно-зеленую бархатную скатерть, да так и сползла с нею вниз. Стоявшие на столе безделушки посыпались вниз и валялись вокруг в беспорядке, часть из них разбилась, и их осколки смешались с осколками хрусталя. Никита ногой расчистил пространство, стал на колени и прижался ухом к груди женщины, пытаясь расслышать удары сердца. Но его собственное стучало так сильно, что отдавалось шумом в ушах, мешая вообще что-либо услышать. Тогда он нащупал пульс на шейной артерии – тоненький, нитевидный, едва различимый, но все-таки существующий! – и обрадованно вздохнул.

– Ну же, ну же, приходите в себя... – похлопал он старушку по щекам и начал размахивать перед нею подобранной с пола тетрадью, как веером. – Сейчас «Скорую» вызовем, в больничку поедem. Все будет хорошо. Врачи у нас славные, знающие...

Женщина вдруг открыла глаза и слабо что-то прошептала, но он ни слова не понял.

– Слава богу, вы живы, – продолжал говорить Лавров. Хотя он и сам бы себе в этом не признался, но тишина пугала его. Казалось, стоит ему замолчать, и жизнь из старушки уйдет. – Не сильно ушиблись? Как себя чувствуете? Ничего не болит? Что мне сделать, может быть, принести воды или раскрыть окно? Попробуете встать?

– Там... – еле слышно прошелестела бабулька, показывая куда-то глазами.

– Что? – Никита склонился к самому ее рту.

– В коридоре на стене телефон написан... позвони доктору Краснову, он знает...

И больная опять потеряла сознание. Теперь носогубный треугольник ее посинел, лицо стало землисто-серым, а дыхание таким поверхностным и редким, что сначала Никите показалось, будто она и вовсе перестала дышать.

Лавров испуганно вскочил, метнулся на кухню и захлопал дверцами шкафчиков, разыскивая нашатырь. Из книг и фильмов он знал, что если смочить ватку и поднести ее к носу, резкий запах приведет человека в чувство. Так ничего и не найдя, он чертыхнулся и побежал звонить. Действительно, на обоях возле висящего на стене телефона простым карандашом было нацарапано несколько имен.

– Доктор Краснов или доктор Краснова? Не расслышал, как следует, – растерянно пробормотал Никита, читая список. – Арнольд Петрович... Тamarочка... Валентина Марковна... Агриппина... Слава... Кто же из них доктор? Тamarочку отсекаем сразу, странно было бы имя врача писать в уменьшительно-ласкательном варианте. Агриппина и Слава – как-то по-домашнему, на мой взгляд. Хотя всякое бывает. Из оставшихся выберу для начала Арнольда Петровича. Авось повезет.

Никита решительно набрал номер. Трубку, к счастью, взяли так быстро, будто бы стояли у аппарата и ждали звонка.

– Алло... – Голос был того приятного мягкого тембра, который обычно сразу вызывает доверие.

«Ценное качество для врачей», – подумал Никита, а вслух спросил:

– Доктор Краснов?

– Он самый, – весело отозвался мужчина. – Чем могу быть полезен, молодой человек?

«Интересно, кем он приходится пострадавшей? – подумал Никита. – А что, если ее сын? В старину за плохие вести гонцу голову отрубали, хорошо, что сейчас не те времена».

– Я в квартире вашей знакомой, ей плохо и нужна помощь. Она без сознания.

На том конце провода повисло напряженное молчание, такое, что Никита, казалось, физически почувствовал его. Потом доктор нервно спросил:

– Вы кто? Из чьей квартиры говорите?

– Не подумайте ничего плохого, – торопливо начал оправдываться Никита, – женщина сама меня попросила помочь довести домой. А едва мы вошли, потеряла сознание. Я пытался что-то сделать, но у меня ничего не вышло.

На лбу у Никиты выступили капельки пота – Лавров вдруг понял: случись сейчас что, он же еще окажется виноват. Даже если вины и не найдут, то все нервы наверняка истреплют.

– Женщина, пожилая, худенькая, невысокая, немного странная. Просила довести домой, по дороге читала стихи, – нервно перечислял Никита, с ужасом ожидая следующих вопросов. Но тут врач его перебил:

– Ах, стихи! Значит, вы у Лизаветы Саввичны сейчас...

– Может быть. Я не успел спросить, как ее зовут, – облегченно вздохнул Никита. – Но ей надо срочно помочь. Пытался отыскать нашатырь, а его, скорее всего, нет. Что еще сделать – не представляю.

– Так, так, так... – пробормотал Краснов, сразу подобрев. – Знаете что, голубчик, вы, пока я приду, расстегните ей пуговицы на груди, чтобы легче было дышать. Трогать – не трогайте, пусть так и лежит на полу, только прикройте пледом, чтоб не простыла. Нашатырь она на кухне в первом шкафчике от двери держит, за банкой с солью. Посмотрите. И можно слегка похлопать по лицу, по щекам. Но не переусердствуйте, а то до синяков нахлопаете. Минут через пять-семь я постараюсь быть. Обязательно дождитесь меня, не оставляйте ее одну!

Лавров положил трубку с тяжелым сердцем. Бросить пожилого беспомощного человека он не мог и на то, что доктор появится очень быстро, не надеялся. Но ведь ему надо идти, время-то уходит!

Лизавета Саввична так и лежала без движения, пока он расстегивал ей пуговицы и разыскивал нашатырь. Там же в шкафчике, где указал доктор, нашлась и вата. От зловонных испарений, исходящих от тампона с нашатырем, женщина сразу зашевелилась, и кровь слегка прилила к ее щекам.

– Ничего, все будет хорошо, – присел рядом Никита и заговорил ласково, как с ребенком, – сейчас доктор придет, я ему уже позвонил. С минуты на минуту будет, а вы пока полежите здесь немного, вам двигаться нельзя.

Женщина согласно прикрыла глаза и попыталась улыбнуться, но вышло это вымученно и жалко. Странно сказать, но Никита неожиданно осознал, что очень переживает за старушку. И совершенно не имело значения, что еще вчера он ничего не знал о ней, ведь имелось нечто, объединяющее их – боль. Та душевная боль, что в тысячу раз хуже болезни тела, от которой стремятся избавиться любой ценой и от которой сходят с ума.

А ерничанье, лицедейство – лишь маска, тщательно скрывающая истину. Если бы Никита мог позволить себе, он и сам бы сейчас начал паясничать и кривляться, только бы не думать об Эльзе, не рисовать в своем воображении картины ее коварной измены. Как хорошо было бы сейчас забыть о той горечи, которая раковой опухолью разрасталась в его душе.

Чтобы как-то отвлечься от мрачных мыслей, Никита начал осматриваться по сторонам. На стенах всюду были развешены фотографии – большие и маленькие, в дорогих рамках и в совсем простеньких. На одной из них бравый молодой офицер в форме военного времени стоял, опершись на оружие. На другой – он же, но явно много старше, с юной девушкой на фоне пальм, где-то в Крыму. Девушка кокетливо улыбалась и прижималась щекой к плечу мужа. Его же лицо было непроницаемо, как маска, губы плотно сжаты, меж бровей пролегла суровая складка. Они представляли собой такой резкий контраст, что невольно вспомнилась избитая фраза про лед и пламень.

На трех других фотографиях, развешенных, похоже, в хронологическом порядке, все больше расцветала жена и все сильнее старел и мрачнел муж. Кокетка и хохотушка, красивая, уверенная в себе, она наверняка имела бешеный успех у мужчин. Да и куража, похоже, ей всегда было не занимать, если даже сейчас Елизавета Саввична сумела так заморочить Никите голову, что он усомнился в истинном возрасте женщины.

Ее супруг слабаком не выглядел. Пожалуй, мужественных черт в нем имелось даже с избытком, но смотреть на него все же было неприятно. Что в его лице такого, что вызывало антипатию, Никита не сразу смог понять. Может быть – тяжелый взгляд небольших, глубоко посаженных глаз или сжатые в узкую полоску губы, а может, слишком суровое выражение. Каждая черта в отдельности была вполне сносна, но все вместе они рождали отталкивающий образ.

«Наверняка был человеком самоуверенным, жестоким и властным, – подумал Никита. – А еще чисто субъективно: не хотелось бы в разведку с ним. Так и чудится выстрел в спину».

Дальше на фотографиях появлялся мальчик. Маленький белокурый ангел с младенческих фотографий постепенно превращался в угрюмого подростка. На некоторых фото он был снят с матерью и отцом, на других – один, и так лет до семнадцати-восемнадцати. Последним оказалось одно-единственное цветное фото. На нем, в платье из пены рюшей и кружев, крошечная девочка стояла у новогодней елки. На голове ее красовался огромный бант, а в руках она держала пушистого белого зайца. На этом семейная летопись обрывалась.

Доктор Краснов влетел в квартиру, на ходу раздеваясь и бросая вещи куда попало. Судя по небритой физиономии и заспанному лицу, звонок Никиты застал его в постели. Одет он был соответственно: черное драповое пальто накинуто поверх домашнего халата, на горло намотан длинный шерстяной шарф, на ногах – синие потертые джинсы и белые кроссовки.

– Ну-с, и где наша больная? – с порога осведомился он и, не дожидаясь ответа, направился в гостиную. – Ай-я-яй, как все запущено... – пробормотал он, склоняясь над распластавшейся на полу старушкой. – Вот что значит не слушаться домашнего врача и нарушать предписанный режим. Да, молодой человек?

Никита растерянно кивнул, наблюдая, как доктор Краснов ставит свой чемоданчик на стол и раскрывает его. Затем врач поспешно направился в ванную, и оттуда послышался шум бьющей с напором воды.

– Рассказывайте все по порядку, что и как произошло! – прокричал врач из ванной. – И поподробней, пожалуйста!

Никита поразился стремительности явно уже немолодого, хотя и прекрасно выглядящего человека, вздохнул и начал рассказывать все по порядку, начав с того самого момента, как сухонькая старушечья лапка вцепилась в его рукав. Доктор тем временем по-хозяйски достал из шкафчика, висящего в ванной комнате, чистое полотенце, вытер руки и, вернувшись в комнату, где лежала Лизавета Саввична, принялся потрошить свой чемоданчик. Достал оттуда пару шприцев, ампулы с каким-то лекарством, тонометр и еще какие-то мелочи, назначения которых Никита не знал.

– И что меня еще поразило, – продолжал Лавров, – Лизавета Саввична очень хорошо читала стихи, и голос у нее в тот момент был такой грудной, завораживающий. Я даже подумал, грешным делом, что меня разыгрывает кто...

При упоминании о стихах доктор Краснов, как раз собиравшийся вскрыть ампулу с лекарством, замер и повернулся к Никите.

– Кстати, какие это были стихи?

Никита пожал плечами.

– Что-то про поэта походного политотдела.

– Ага, значит, Багрицкий, – кивнул доктор, с хрустом ломая головку ампулы и затем протирая ваткой, смоченной в спирте, жужу на плече женщины. – Что случилось, Лизавета Саввична? Опять с сыном поссорились?

Старушка слегка поморщилась, почувствовав укол, и ничего не ответила.

– Ну и зря, зря. Вашего Славу уже ничем не исправишь, а вы себе нервы портите. И вообще, пора оставить прошлое в покое. И поэтов, и замполитов, и походы. Короче, как сказал ваш любимый Багрицкий, – довольно бреда, и пусть волны сами тают.

– ...только волны тают, – тихо поправила его Лизавета Саввична.

– Да помню я, помню, – кивнул Краснов, прижимая ватку со спиртом к ранке от укола. – Москва шумит, походов нет как нет... Кстати, молодой человек, вы помните, какими строками заканчивается стихотворение? «Но я благоговейно подымаю уроненный тобою писто-

лет...» Да-с, тяжелое время было, человеческая жизнь имела совершенно другую ценность, нежели сейчас. Убить было – раз плюнуть.

При этих словах Никита слегка побледнел и порывисто встал.

– Все, мне пора, вы уж извините, доктор.

– Да, да, конечно. Только сначала помогите мне Лизавету Саввичну на диван переложить, ей пока не стоит вставать.

Врач жестом показал, как лучше взяться. Мужчины аккуратно переложили больную на диван, и Краснов заботливо подоткнул плед со всех сторон.

– Все, спасибо, молодой человек, не смею вас больше задерживать, только дверь за собой захлопните. А я уж тут побуду, не стоит пока Лизавету Саввичну одну оставлять. Да, и еще: спасибо вам огромное, если бы не вы...

– Ну, что вы, – отмахнулся Никита, – любой на моем месте поступил бы так же.

Доктор грустно улыбнулся и с сомнением покачал головой.

После ухода Никиты Лаврова на некоторое время в квартире воцарилась тишина. Слышен был только стук раскладываемых доктором приборов и писк тонометра.

– Вот черт, вата кончилась, – поморщился он, уронив тампон на пол, – последняя была.

– Голубчик, в спальне в верхнем ящичке комода возьмите, там новая упаковка есть.

Как только доктор вышел, в прихожей щелкнул замок, еле слышно отворилась дверь, и заскрипели половицы.

– Кто? – приподнимаясь на подушках, испуганно спросила Лизавета Саввична. – Кто там? Славик, это ты?

Шаги стихли на кухне, потом скрипнула дверца кухонного шкафчика, но никто так и не отозвался. Из спальни появился Краснов, громко шурша пергаментной упаковкой стерильной ваты.

– Что случилось? – вопросительно посмотрел он на Лизавету Саввичну. – Вы с кем-то разговаривали?

– Тсс, – прижала палец к губам женщина, – там кто-то есть.

– Да я здесь, я. – В комнату вошел высокий худощавый мужчина с коротко подстриженными седыми висками.

– Ах, это вы, Слава. Зачем матушку пугаете? Могли бы для начала зайти поздороваться, – пожурил его доктор Краснов, вводя в вену больной лекарство.

Лизавета Саввична жестом попыталась остановить его, и он укоризненно покачал головой.

– Избаловали сына, Лиза. Даже сейчас жалеете, слова не даете сказать.

– А вы все такой же, – саркастически засмеялся Слава, – все бы вам поучать да поучать.

– Как вы стали похожи на своего отца! – вдруг воскликнул Краснов, разглядывая его. – Тот же жесткий взгляд, те же скулы, нос и...

– Хватит!

– Помилуйте, – примирительно произнес доктор, – разве можно так долго ненавидеть? Сколько лет уж прошло, как отца нет, а вы все помните.

– И никогда не забуду.

– Простите его, и вам сразу станет легче.

Не отвечая, мужчина вышел, хлопнув в прихожей дверью так, что посыпалась штукатурка.

– Вот видите... – со слезами на глазах обратилась к врачу Лизавета Саввична. – Ну что мне делать? Думаете, он отца ненавидит, а меня любит? Он и меня не любит. Забыть не может, как я его в детстве оставляла, когда на гастроли уезжала. Но что же мне было делать?! Не таскать же мальчика с собой. Да и ведь с родным же человеком оставляла, не с чужим.

– Лиза, право слово, ваш сын уже давно повзрослел, он сам отец, и не думаю, что столь уж хороший. Какое право он имеет судить вас?

– Да, Томочку жалко, – всхлипнула Лизавета Саввична, – совсем он ею не интересуется. А такая девочка хорошая растет!

– Давайте еще укольчик успокоительного сделаю, затем обо всем забудем и поспим. Вам сейчас нельзя нервничать, может новый приступ случиться.

Доктор дождался, когда старушка мерно задышала и веки ее смежились, тихо собрал разбросанные по столу инструменты в саквояж и, захлопнув за собою дверь, ушел.

На подходе к дому, указанному в записке незнакомцем, толпились зеваки. Несколько человек задирали головы и, тыча пальцами куда-то вверх, что-то обсуждали, остальные возбужденно галдели, жестикулируя и время от времени шикая друг на друга.

Недалеко от подъезда стояла карета «Скорой помощи», а еще дальше – милицейская машина. Никита остановился перед ступеньками в нерешительности и, старательно вытягивая шею, попытался разглядеть, какие номера квартир написаны над дверью. Мимо него прошла худенькая женщина в платке и направилась прямо в подъезд.

– Гражданочка, вы куда? – рыжий конопатый участковый перегородил ей дорогу.

– Как – куда? – растерялась та. – Домой...

– Придется подождать.

– Чего подождать? – не поняла она.

Милиционер скосил на нее глаза и нехотя ответил:

– Конца осмотра места происшествия.

– К-какого происшествия? – женщина от волнения начала заикаться и побледнела. – У меня ребенок там один, как же я могу ждать...

В этот момент из подъезда санитары вынесли носилки с телом, полностью покрытым простыней.

– Из пятидесят шестой квартиры это, – многозначительно произнесла бабуля в коричневом платке, по виду – типичный завсегдатай лавочно-дворовых посиделок. Такие все обо всех знают, а чего не знают – то приврут. – Мне всегда эта квартира не нравилась. Тихая какая-то, вроде бы и не живет никто, а я-то вижу: бывают в ней.

Никита достал записку, полученную утром с фотографией, и сверился с адресом. Все верно – квартира пятьдесят шесть, именно туда ему и нужно.

– Что здесь случилось? – повернулся он к мамаше с грудным ребенком на руках.

– Кого-то убили, – равнодушно откликнулась та.

– Убили? – удивился Никита. – Почему сразу – убили? Может, сам человек умер. От сердечного приступа, например.

Молодая женщина неприязненно окинула его взглядом и неожиданно вспыхнула:

– Говорю – убили, значит – убили! Слышала я, как милиционеры переговаривались, дескать, пуля в висок вошла. А если вы мне заранее не верите, так зачем спрашивать? Вон, милиция стоит, с ними и говорите.

«Сегодня явно не мой день, – сокрушенно подумал Никита. – Сначала меня поучает старуха, теперь молодая, которая еще вчера пеленки пачкала».

В свои тридцать пять Лавров уже считал себя бывалым, умудренным жизненным опытом человеком, для которого не осталось ничего неизведанного.

Внезапный порыв ветра задрал край ткани, которой был укрыт труп, и с носилок свесилась мужская рука с красиво витатуированной змейкой, обвивающей запястье.

– Товарищ капитан, – протиснулась вперед тетка неопределенного возраста, – вам свидетели нужны? Я видела, как из этой квартиры женщина выходила.

– Какая женщина?

– Ну, такая, крашенная, с короткими красными волосами. И курточка у нее такого же цвета была, как волосы. Коротенькая совсем куртка, прям куца.

Капитан уставился на нее, не мигая, должно быть, прикидывая, сколько процентов правды можно извлечь из показаний неопрятной особы.

– А вот и нет! – вступила в разговор другая, худая, как жердь, и пахнувшая нафталином тетка. – Белая она была, волосы длинные и светлые, а одета в бежевое пальто.

– Пройдите обе в машину, – очнулся капитан, – лейтенант Опришко запишет ваши показания.

Никита смотрел перед собой и ничего не видел. Это его Эльза одета в бежевое пальто, и это у нее волосы длинные, светлые, шелковистые. Он так любил целовать их, зарываясь лицом в золотистые волны и вдыхая их аромат.

– Дядя... – Кто-то снизу дернул его за плащ.

Никита опустил глаза и увидел девочку лет девяти-десяти.

– Дядя, наклонитесь ко мне, – тихо попросила она.

Никита присел.

– Хотите, я вам расскажу, куда тетя в светлом пальто пошла?

– А почему ты решила, что меня интересует женщина в светлом пальто? – удивился Никита.

Вместо ответа девочка пошла вперед, поманив его за собой. Недалеко от выхода со двора она свернула за угол и скрылась за дверью маленького кафе.

Никита кинулся следом и едва не сбил небольшую гипсовую фигуру кашевара в поварском колпаке, стоявшую у самого входа. Белый накрахмаленный колпак свалился, и Никита наскоро нахлобучил его скалящемуся повару на лоб.

Девочка между тем уже сидела за одним из столиков и загадочно улыбалась.

– Давай говори, что хотела! – с ходу налетел на нее Никита.

– Я люблю мороженое с фруктами, здесь вкусное очень, – простодушно заявила малолетняя нахалка, не обращая внимания на его требовательный тон.

– То есть ты думаешь, я вот так сразу пойду и выполню все твои пожелания? Да я даже не знаю, врешь ли ты или говоришь правду!

– А у вас нет другого выхода, – хитро улыбнулась девчонка. – Чтобы узнать, не вру ли я, надо меня выслушать, а чтобы я заговорила, нужно купить мне мороженое.

– Логично, – крикнул Никита и, подозвав жестом официанта, сделал заказ: девочке мороженое с фруктами и пирожные, а себе чашку двойного эспresso.

– Так с чего ты решила, что меня женщина в светлом пальто интересует? – вернулся к разговору Лавров.

– Я наблюдала за вами, – пожала плечами девочка.

– Зачем? – удивился Никита.

– Я знаю всех, кто здесь живет, а вы не наш, и мне было интересно на вас смотреть.

– И что же ты увидела? – хмыкнул Никита.

– Ну вот, значит, стою я, смотрю на вас, смотрю, и тут того мужика на носилках выносят. У вас в лице ничего не дрогнуло, вы даже бровью не повели. И на слова про крашеную и стриженую, когда про нее баба Маня сказала, никак не отреагировали. А вот как только Райка с пятого этажа блондинку помянула, так вы сразу в лице и изменились. Словно судорогой его свело.

– Что, так заметно было? – занервничал Никита.

– Я наблюдательная, следовательно собираюсь быть, потому внимание и тренирую.

– Молодец, – кивнул Никита. – Так куда потом делась женщина в светлом пальто?

– Сюда пошла, – мотнула головой девочка, – села за столик – вон за тот, дальний, в самом углу. Я в окно смотрела, и мне не видно было, что она делает.

– Тебя как звать?

– Света, – откликнулась девчушка.

– Что ж ты мне голову морочишь, Света? – досадливо поморщился Никита, жалея о потерянном времени. – Ты, как будущий следователь, должна понимать, что никакой ценности твоя информация не имеет.

– Вы дальше слушайте, – ничуть не смутившись, продолжала юная собеседница. – Когда женщина уходила, она каблуком за решетку у выхода зацепилась, да так неудачно, что никак вытащить не могла, и ей наклониться пришлось.

– Это ты тоже в окошко углядела?

– Ага, только в другое. Когда она встала, я перебежала туда, чтоб виднее было, – девочка ткнула пальчиком в сторону окна у самого выхода. – А сапоги у нее красивые, высокие, с вышивкой и цепочкой в виде змеек целующихся. Мне понравились.

Никита вздрогнул. Эти сапоги он недавно привез Эльзе из Италии, где был в командировке. Теперь сомнений не оставалось, Света рассказывала именно про его жену.

– И что дальше было? – поторопил Лавров девчушку, сосредоточенно сопевшую над куском персика, который ей никак не удавалось ложкой разделить на кусочки.

– Я следом за ней пошла, а она такси взяла и уехала.

– Куда? Что женщина водителю сказала?

– Ничего. Молча в машину села и рукой махнула. Типа, поезжай.

Никита задумался. Это было так похоже на Эльзу. Она все время пребывала в своем, иногда далеком от реальности мире, забывая, что рядом с нею находятся гораздо более приземленные люди.

– Но все-таки она же должна была сказать, куда ехать?

– Должна, – охотно согласилась девочка, – но не сказала. Может быть, потом, когда машина уже поехала, и назвала шоферу адрес, только мне уже никак не услышать было.

Никита не смог скрыть своего разочарования.

– И все?

– Нет. – Собеседница хитро блеснула глазами. – Пятьсот рублей, тогда дальше расскажу.

– Сколько?! – изумился Никита. – Ах ты, маленькая вымогательница! Помнится, в мое время взрослым учили помогать бесплатно.

– В то время и работать учили бесплатно.

– Однако какое продвинутое поколение растет... Ладно, вот, держи.

Он вынул из бумажника купюру и положил на стол. Деньги исчезли в один момент, а вместо них появился листок, вырванный из блокнота.

«Алтышников переулок, дом пять, квартира девятнадцать», – прочитал Никита. Почерк был незнакомый. И, похоже, писавший торопился, не слишком следя за красотой букв.

– Что это? – поднял глаза на девочку Никита.

– Бумажка у той женщины, ну, блондинки, из кармана выпала, когда она перчатки доставала, – с удовольствием пояснила она. – Я следом побежала, хотела листок вернуть, но не успела.

– Ты оставайся, доедай, а я пойду. Договорились?

– Угу, – с набитым ртом ответил ребенок, ничуть не расстроившись. Похоже, теперь информация действительно была вся, и Никита только мешал девочке наслаждаться сладким.

Лавров вышел из кафе и осмотрелся. Алтышников переулок... Вроде бы знакомое название, но он совершенно не мог сообразить, в какую сторону нужно двигаться. В любом случае, на встречу с Решетниковым он уже вряд ли успеет и, значит, упустит такой важный

сейчас для фирмы контракт. Как было бы хорошо ущипнуть себя и проснуться, узнать, что все случившееся утром, было лишь дурным сном...

Секретарь сняла трубку сразу, с первого гудка.

– Марина, я сегодня буду после обеда, а может быть, даже позже, – начал он и поймал себя на мысли, что в глубине души ждет от девушки слов: «Вас ожидает жена. Передать ей трубку?»

Чуда не произошло.

– Но, Никита Сергеевич, у вас же через полчаса встреча с Решетниковым! – испугалась секретарь.

– Я помню. Постараюсь успеть. Все остальные запланированные дела перенесите на завтра. Да, и сохраните этот номер, я пока буду на нем.

– Что делать, если вы не появитесь к нужному времени? – В голосе секретаря явно проскользнули панические нотки, но Никита не обратил внимания.

– Если не появлюсь – начинайте без меня. Сумеете оттянуть время, а еще лучше – перенести встречу, с меня приличная прибавка к зарплате.

– Хорошо, – занервничала Марина. – А если не получится?

– А если не получится – значит, не судьба. Положение на фирме вы знаете, нам остается лишь собрать котомку и пойти по миру.

Глава 2

Некоторое время назад

«Зачерпни воду, и луна будет в твоей руке, прикоснись к цветам, и их аромат пропитает твою одежду...» – пришли на память когда-то прочитанные строки.

Эльза подняла голову и с тоской посмотрела в начинающее сереть небо. Вчера она снова попыталась поговорить с Никитой, и опять из этого ничего не вышло. Кажется, муж даже не услышал ее, кивнул механически: «Да, дорогая». А ее вдруг разобрало зло – не стала ничего повторять и объяснять.

Зачем, если он не слышал слов: «Мне кажется, мы стали отдаляться друг от друга»? Смешно.

Женщина горько улыбнулась и проводила взглядом целующуюся парочку. Счастливые! У них неповторимое время – период влюбленности. Но он продлится не слишком долго. Хотя, впрочем, бывает и иначе. Ей, к примеру, грех жаловаться – еще недавно Эльза была уверена, что проживет с Никитой до самой старости, и мечтала только об одном – чтобы смерть не разлучила их надолго. Ведь бывает же так, что супруги умирают в один день!

Эльза смахнула набежавшую слезу. Кто же мог знать, что придет день, когда все изменится, и супруги перестанут понимать друг друга?!

Они познакомились дождливым осенним днем. Эльза торопилась в гости к подруге, неся в руках большой красивый торт, а Никита спешил на свидание. И надо же так было случиться, что оба больше глядели по сторонам, чем прямо перед собой! В общем, Никита в тот самый великолепный торт и влетел.

Наверное, у Эльзы было очень огорченное лицо, так как он принялся торопливо развязывать ленточку, которой была перевязана коробка, без умолку болтая и уверяя, что ничего ужасного на самом деле не произошло.

– Вот вы сейчас сами увидите – ваш торт целехонек!

– Не стоит этого делать здесь, – тянула к себе коробку Эльза.

В результате, едва убедившись, что торт все-таки успел превратиться в весьма неаппетитную лепешку, они его уронили и, пытаясь поймать на лету, оба вывозились в креме. Пару секунд изумленно смотрели каждый на себя и друг на друга, не в силах поверить, что такое произошло с ними, а потом долго хохотали, оттирая салфетками одежду. Конечно, никто уже никуда не пошел, не считая ближайшего кафе, куда они забрались в надежде немного привести себя в порядок и перекусить.

С тех пор Эльза и Никита не расставались. Поженились спустя два месяца, удивляясь, как могли раньше обходиться друг без друга. Первая их квартирка была маленькой, тесной, под самой крышей. Зимой там стоял лютый холод, а на рамах намерзал толстенный слой льда, летом было жарко, и приходилось день и ночь гонять вентилятор, чтобы хоть чем-то дышать. Но зато из окна открывался великолепный вид. Утром небо розовело и облака подкрашивались встающим солнцем. На крышах домов обитали уличные коты, развлекавшие картинками из собственной жизни. Птицы радостно пели, и порой ей казалось, что она, без сомнения, в раю.

Эльза так любила Никиту, что не могла без него жить. Тот отвечал столь же горячим и восторженным чувством. И от этого она была настолько счастлива, что порой ей даже становилось страшно: так не бывает! Любая сказка, какую ни возьми, обязательно заканчивается

свадьбой, не давая ответа на главный вопрос: как жили герои потом? По-прежнему горячо любили друг друга? Или Золушка своей любовью к чистоте свела Принца с ума, а Спящая красавица, родив ребенка, потеряла интерес к жизни и погрузилась в новый инертный сон? Вдруг Красавица обнаружила, что замужем за настоящим чудовищем? И, главное – сколько им было отпущено на наслаждение любовью друг к другу?

Эльза остановилась у витрины магазина, любуясь на большого розового пупса в кружевах и рюшах. Ей так нравилось покупать одежду для младенцев, что все подружки на крестины обязательно звали ее. А еще – хвастались своими малышами, не понимая, что невольно разрывают ей сердце.

Сейчас она проводила взглядом коляску и, наклонив голову, пошла вперед. Эльза уже почти смирилась с тем, что у нее никогда не будет детей. И дело даже не в том, что она когда-то давно сделала аборт – сейчас у нее со здоровьем все нормально, она уверена. Проблема в том, что им с мужем детей Бог не дает.

И еще – Эльза знала: Никита просто не хочет ребенка. И говоря о тесной квартире, он только обманывал сам себя.

«Так зачем рожать, если ребенок все равно всегда будет лишним?» – думала раньше она, смиряясь с эгоизмом Никиты.

Теперь ей казалось иначе.

«Сейчас моей дочке уже шел бы восьмой год... Никогда не предаст только родное дитя... А я вот ее предала...» – бежали грустные мысли. Эльза аккуратно промокнула глаза и тут же чуть не упала, споткнувшись о лежащую посреди тротуара крышку люка.

– Эй, смотри, куда идешь! – зло бросила ей торчащая над асфальтом голова. – Ходят, под ноги не смотрят, а потом вытаскивай их из колодцев...

– Извините, – вяло промямлила Эльза, подумав, что с ней явно что-то не так. Никогда раньше ей не грубили рабочие, которые вопреки инструкциям не потрудились огородить место проведения работ полосатыми лентами.

Собаки нападают, когда улавливают запах страха, когда выделяется адреналин. Люди хамят, когда чувствуют угнетенное состояние жертвы.

«Я выгляжу убогой, – мрачно думала Эльза. – Дожила... Довела себя до того, что ко мне липнут психи и грубияны...»

Некоторое время назад с ней произошел случай, изрядно напугавший ее. Выбирая продукты в супермаркете, она обратила внимание, что один из посетителей пристально глядит на нее. Едва Эльза подошла ближе, он вдруг тут же очутился рядом и обратился с пустяковой на первый взгляд просьбой: помочь выбрать продукты для лежащей в больнице жены. Одна рука мужчины была забинтована до локтя и висела на перевязи, что вызвало приступ жалости у Эльзы, а во второй он держал пустую проволочную корзинку.

Сомневаться в том, что поступила правильно, она начала буквально сразу же. Обернулась, чтобы спросить, любит ли жена незнакомца сгущенное молоко и стоит ли его брать, и оцепенела от ужаса. Глаза у мужчины были странные. Холодные и беспощадные, как у зверя.

– Сейчас вы положите все продукты в пакеты и поможете мне отнести их к машине, – тихо сказал он, и Эльза против воли кивнула.

У самой кассы она попыталась дать понять взглядом кассиру, что с ней не все в порядке, надеясь, что та поймет и вызовет охрану, но женщина равнодушно пробила чек и сложила продукты – сыр, кокосы и яблочное пюре – в пакет. Охранник у дверей тоже безразлично скользнул взглядом по покупательнице рядом с высоким мужчиной и отвернулся, уставившись на суетливого мужичка, воровато вертящегося возле стойки с напитками.

Эльза чувствовала себя странно. Она все понимала, но, как робот, делала то, что говорил ей мужчина. Тот внушал ей панический страх, парализовавший ее волю, но когда рядом

остановилась милицейская машина, из которой вышел молоденький лейтенант и направился в их сторону, ей внезапно стало легче дышать.

Страшный человек выдернул у нее из рук пакет с продуктами и сквозь зубы процедил: – Спасибо, очень помогли.

Затем быстро сел в свой автомобиль и уехал, причем забинтованная рука ничуть не помешала ему. Эльза же осталась стоять посреди улицы с открытым ртом.

Вечером она попыталась рассказать о странном происшествии Никите. Муж смотрел на нее отсутствующим взглядом. Кажется, рассказ о том, как супруга сходила в супермаркет, не вызывал у него ни малейшего интереса, потому что он вдруг, не забыв вежливо извиниться, вышел из комнаты с мобильником в руках.

Больше Эльза не проронила ни слова...

Один из законов Мерфи гласит: «Если какая-то неприятность может произойти, она обязательно случится».

Никита начинал свой бизнес с нуля и за несколько лет не только встал на ноги и приобрел солидную клиентуру, но и значительно расширился. И вот, буквально в течение каких-то трех месяцев, корабль процветающей фирмы Лаврова, получив несколько серьезных пробоин, дал крен. Два солидных клиента неожиданно, без объяснения причин, разорвали контракт, с третьим не удалось заключить договор, потому что конкуренты каким-то образом прознали о новой концепции дизайна и представили похожие макеты. Поскольку заказчику требовалась эксклюзивность, он предпочел третью фирму, у которой был отличный от первых двух дизайн.

И, наконец, последним ударом стал пожар на объекте, полностью готовом к сдаче. Дорогая отделка и авторская мебель ручной работы – все сгорело. Чтобы уложиться в сроки и не подвести заказчика, Никите пришлось платить вдвое и изрядно влезть в долги.

Положение мог спасти контракт с Решетниковым – фирма тогда не только бы удержалась на плаву, но и продолжила продуктивно работать дальше. Разумней всего было бы сейчас нестись со всех ног в офис, лечь костями, но вырвать этот контракт у конкурентов. Однако вместо этого Никита направляется по совершенно незнакомому адресу непонятно для чего. А значит, скорее всего заказ будет потерян.

«И пусть, – мрачно подумал Никита, – пусть все летит к чертям. В конце концов, все, что я делал, было только ради Эльзы».

Ее вера окрыляла и поддерживала его, ради улыбки, света радости в глазах жены он готов был свернуть горы и вытерпеть все невзгоды. Вместе они выдержали и испытание бедностью, и проверку достатком. И вот теперь Эльза предала его.

Разве можно после этого жить так, будто ничего не случилось? Как было бы хорошо проснуться сейчас и понять, что все – только дурной сон...

«Если она чувствует себя виноватой, то вряд ли сразу пойдет домой, – вдруг мелькнула мысль, – скорее всего, направится в офис, чтобы попытаться оправдаться. Тогда, вполне вероятно, Эльза сейчас сидит рядом с Мариной и ждет меня».

Лавров набрал номер телефона и с замиранием сердца принялся считать гудки. Секретарь подняла трубку на четвертом. Вежлива и предупредительна, как всегда. Внимательно выслушала его указания, затем повисла тишина. А он все ждал: вдруг она скажет об Эльзе?

– У вас что-нибудь еще? – наконец прервала молчание секретарь.

– Да, – решился Никита и смущенно кашлянул. – Марина, если вдруг в офис зайдет Эльза, попросите ее не уходить и обязательно дожждаться меня.

– Что-то случилось?

– Пустяки, не могу дозвониться. И еще. Сообщите мне о визите моей жены сразу же, как только она придет.

Никита нажал на «отбой» и с отвращением подумал о себе. Раскис, как мальчишка! С чего это он взял, будто Эльза захочет увидеть его? Глупо и смешно. Ей совершенно наплевать, что он волнуется и ждет. Измена – изменой, но чисто по-человечески можно ведь было сказать, что она уходит от него?!

– Боже мой, какая чушь лезет мне в голову, какая дикая чушь, – пробормотал Лавров вполголоса. – Не все ли теперь равно: сказала она, что уходит, или нет. Эльза была по адресу, названному в записке, и скрыла это от меня, что подтверждает факт измены. Неужели я до такой степени не знал человека, с которым живу?

И все-таки где жена может сейчас быть? И почему не отвечает ее мобильник? Руки вдруг противно затряслись, на лбу выступила испарина. Никита поспешно открыл телефон, чтобы снова – в который раз! – набрать домашний номер. Выслушал длинные гудки, захлопнул крышку и заторопился к только что подъехавшему такси.

– Алтышников переулок, пожалуйста.

– Куда?! – Шофер завел мотор и хихикнул.

– Алтышников переулок, дом пять. Я что-то смешное сказал? – оцетинился Никита, и водитель смутился.

– Да вы уж простите, просто день какой-то странный сегодня. Судите сами: выручки никакой, пассажиров за все утро – раз, два и обчелся, причем двое из них едут по одному и тому же адресу. Будь этим адресом Кремль, я бы еще хоть как-то мог понять, а то какая-то глухомань, о которой еще вчера я знать ничего не знал.

– А кого вы отвозили сегодня, не припомните? Не женщину в светлом пальто, случайно?

У водителя, истомившегося от безделья, заблестели глаза, как у старой сплетницы, почуствовавшей запах «жареного».

– Ее, голубушку, ее. Никак супружница ваша?

– Жена, – коротко кивнул Никита. И, немного поколебавшись, добавил: – Не заметили, встречал ее кто, когда приехала?

– Нет, – отрицательно мотнул головой мужик. – Что, изменяет, да?

– С чего вы взяли? Разминулись мы с ней, а она дорогу плохо знает, боюсь, как бы не заблудилась.

– Не заблудится, – буркнул шофер, – раз мобила есть.

– Откуда вы знаете, что у нее есть телефон? Она при вас куда-то звонила?

– Это, конечно, не мое дело, но где гарантия, что она действительно ваша жена, а вы – не маньяк-убийца? С какой стати я должен вам доверять? – окрысился водила, злобно поглядывая в зеркало заднего вида на пассажира.

Никита достал портмоне и помахал им в воздухе.

– Плачу условленную сумму и еще столько же сверху.

Мужик посопел, размышляя, потом буркнул:

– Деньги вперед, а то не скажу.

Никита безропотно отсчитал купюры, кинул их на переднее сиденье и выжидательно уставился на шофера.

– Перед тем, как выйти, она по телефону говорила. Мобильник зазвонил, как только за ручку дверцы взялась, и она нервно так на кнопку нажала, да как гаркнет: «Ну, что еще?» Я, конечно, удивился, потому что вроде бы такая приличная дама, а кричит, как грузчик в порту.

– Только у нее телефон зазвонил, она сразу на собеседника и закричала? – удивился Никита. – Может быть, все-таки сама позвонила куда-то?

– Какой ты непонятливый, ей-богу! – хихикнул шофер. – Первый звонок был, она ничего не говорила, только слушала, что ей в трубку говорят. А потом телефон опять зазвонил.

– И все?

– Нет. Потом она какой-то номер набрала и говорит: «Жди, я скоро буду». Мужiku звонила. Точно.

– Почему – мужiku?

– Так имя мужское было, – сморщил лоб шофер. – Запомнил только я, какое. Давно изменяет, супружница-то?

Никита отвернулся к окну, давая понять, что не собирается отвечать на вопрос, но таксист, почувствовав причастность к чужой тайне, уже закусил удила.

– А я со своей шалавой развелся после того, как с любовником застукал. Морду немножко почистил и на все четыре стороны отпустил. А была б моя воля – пристрелил бы! Только вот в тюрьму из-за потаскухи садиться не захотел, – мрачно исповедался он. И вдруг заорал так, что Никита от неожиданности подпрыгнул: – Вспомнил имя, вспомнил – Гриша! Ага, Гриша, точно! Вот оно как... Гриша, значит, у ей завелся... Ну чего, знаешь такого?

– Нет, – процедил сквозь зубы Никита, – но обязательно узнаю.

В подъезде пахло мышами и помоями. Никита поморщился и, достав платок, прикрыл нос. Квартира, нужная ему, оказалась наверху, под самой крышей, рядом с чердачным люком, закрытым на большой висячий замок. Допотопный и ржавый, выглядел он так, будто последний раз его открывали еще при царе Горохе.

Лавров осторожно постучал, потом надавил кнопку звонка и прислушался. Раздался какой-то шорох, за дверью тявкнула собака и опять все стихло. Никита постучал погромче и, надавив на кнопку звонка, держал несколько секунд, не отпуская. Собака внутри взвыла и заскреблась в створку, но никто так и не открыл. Чувствуя, как в груди начинает волной подниматься отчаяние и злость, Никита начал стучаться во все двери.

В семнадцатой явно никого не было, в восемнадцатой же прошаркали к двери тапками и замерли у глазка. Никита забарабанил сильнее, после чего недовольный старческий голос произнес:

– Вам кого?

– Скажите, вы ваших соседей из девятнадцатой квартиры давно видели?

– Вам кого? – тупо переспросила старуха.

Никита, повысив голос, повторил вопрос.

– Вам кого? – снова услышал он.

– Черт, похоже на разговор с автоответчиком, – буркнул Никита. – Положительно мне сегодня не везет.

Обычно в такие дни, когда все валилось из рук или шло наперекосяк, Никита откладывал дела и залегал на диван с книжкой или кроссвордами в руках, но сегодня он этого себе позволить не мог. Внутренний голос назойливо и непрерывно твердил: время терять нельзя, завтра будет поздно.

По закону подлости, в двадцатой квартире тоже не открывали.

– Там никто не живет, – продребезжала вдруг старуха из восемнадцатой, которая, видно, продолжала стоять, подглядывая в глазок.

– Божий одуванчик, прикидывалась глухой, а, поди ж ты, неплохо слышит, и даже весьма шустро соображает, – пробурчал Никита.

В тот момент в квартире номер девятнадцать дурным голосом взвыла собака, Никита от неожиданности вздрогнул и в сердцах пнул дверь ногой. Хлипкий замок лязгнул и... открылся.

– Йоп! – выругался Никита, прикидывая, сколько секунд старухе понадобится, чтобы дотопать до телефона и набрать телефон милиции. – Незаконное проникновение в жилище... Ну, и фиг с ним! Если я сейчас уйду, никогда потом себе этого не прощу: быть рядом с разгадкой и струсить...

В образовавшуюся щель просунулась сначала собачья морда, потом все остальное тельце, и существо, вихляя и извиваясь на ходу, как ящерица, кинулось вниз по лестнице.

Никита распахнул шире дверь и вошел. На первый взгляд в квартире не было ничего необычного. Мерно тикали ходики, тархтел холодильник, и невнятно бормотало что-то радио. Чуть дальше, за приоткрытой дверью в спальню, виднелся край разобранной кровати, на которой кто-то явно лежал.

Никита кашлянул, затем прошел туда и постучал в наличник.

– Хозяева! – нараспев произнес он, как показывают в плохой мелодраме. – Есть кто живой?

Ответа не последовало. Никита постучал еще громче.

– В данном случае склонен рассматривать молчание как знак согласия. Заранее прошу прощения, если что.

Он толкнул дверь и вошел. Широкая двуспальная кровать, застеленная шелковыми простынями цвета персика, и разметавшиеся по подушке длинные светлые волосы. Женщина лежала на спине, голова ее была повернута влево и прядь волос закрывала лицо. Лавров испытал странное чувство. В глубине души Никита надеялся, что это не его жена, и в то же время страх, что ошибается, принимая желаемое за действительное, был так велик, что он хрипло окликнул:

– Эльза? Не стоит притворяться, я все знаю. Пусть это глупо и бесполезно, но мне хотелось бы понять, как с нами могло такое произойти. Да не молчи же, скажи хоть что-нибудь!

Никита в сердцах дернул одеяло и замер. Перед ним лежала совершенно незнакомая женщина, и она была мертва. Идеальной красоты обнаженное тело, с красивой грудью и тонкой талией – и синюшное, со следами точечных кровоизлияний и вспухшим прокушенным языком, лицо. На шее удавленницы, под багровой полосой, была завязана атласная лента с пришпиленной к ней красной бумажной бабочкой. Оригами было так изящно, что Никита невольно подивился мастерству – такое не под силу новичку.

– Надо же, убийца оригами увлекается... – пробормотал Лавров, сдерживая подкатывающую к горлу тошноту. – Хотя, может быть, сама убитая мастерицей была?

Еще бросились в глаза свежая ссадина на левой ноге женщины и ее судорожно сжатые кулаки. Никита склонился ниже и вдруг заметил, что в левой руке убитой явно что-то есть: между краем длинного красного ногтя и внутренней стороной ладони виднелся оборванный клочок бумаги. Похоже, женщина держала в руках то, что убийца посчитал для себя опасным оставлять. Он дернул лист, но не заметил, как оторвался кусочек.

Никита встал на колени и, старательно разжимая скрюченные пальцы, аккуратно извлек обрывок бумаги с сохранившимися на нем словами: «...ико-философской концепции».

– И что это может быть – физико-? лирико-? Чушь какая-то! Что может быть опасного в философии? – буркнул он. Вдруг во дворе взвыла милицейская сирена, послышался шум подъезжающего автомобиля.

Никита вскочил и заметался по квартире, кляня себя, что задержался около трупа. В том, что милицию вызвала престарелая соседка, прикидывавшаяся глухой, он даже не сомневался.

Через окно подъезда было видно, как милицейский «уазик» паркуется во дворе, значит, о том, чтобы спуститься и выйти через дверь подъезда, не могло быть и речи. Никита опро-

метью бросился к люку чердака и, подтянувшись на руках, попытался сбить дужку замка. Но не тут-то было, ржавые железки держались намертво.

«Боже мой, сейчас сюда войдут, застанут меня рядом с трупом и автоматически посчитают виновным, – затравленно думал Лавров, мечась по квартире в поисках чего-нибудь, чем можно было бы сорвать замок. – Пистолет, найденный у меня, только усугубит дело: никто не даст себе труда задуматься, зачем, если у меня есть пистолет, душить женщину удавкой? Милиция сразу решит, что я намеренно пришел ее убивать».

Как назло, ничего подходящего не попадалось – видно, женщина жила одна и никакого слесарного инструмента в доме не держала. Никита в сердцах ударил рукой в перчатке по выключателю в коридоре, собираясь осмотреть нижний ящик обувного шкафа, и его окатило волной надежды.

Ключ, такой же допотопный и ржавый, как замок на чердачном люке, висел на стене. Не раздумывая, Никита схватил его, подставил под люк стул, стоявший в коридоре, и, дотянувшись до замка, открыл его. Крышка люка откинулась легко, без малейшего скрипа – видимо, им недавно пользовались и смазали петли. Никита спрыгнул вниз, поставил обратно в квартиру стул и захлопнул дверь. Затем, став на чугунные перила, подтянулся на руках и скрылся в люке.

Сердце бешено колотилось, Никита все еще не верил в спасение. Внизу слышались шаги, голоса – судя по звукам, милиция уже вошла в квартиру убитой. Не желая испытывать судьбу, Лавров осторожно, присвечивая себе телефоном, пошел по пыльному чердаку в надежде найти второй выход.

Эдуард Петрович Лямзин, широкоплечий синеглазый брюнет, жизнью своей был не очень доволен. Когда-то, учась в достаточно престижном заведении, он женился на дочери директора ипподрома, получив вместе с женой квартиру, дачу, машину и место в столичных органах госбезопасности, что для него, провинциала, было весьма и весьма кстати.

Все бы ничего, но молодая жена была слишком сдержанна, чтобы не сказать холодна, и он начал поглядывать по сторонам. А вокруг кипела жизнь! Холостые друзья устраивали пикники, вечеринки с девочками, в то время как Лямзин уныло плелся домой, чтобы провести вечер почти в одиночестве: жена была помешана на науке и мало обращала внимания на мужа. Иногда Эдуарду казалось, что, исчезни он на какое-то время, Лариса этого даже не заметит. Может быть, забеспокоится, если он несколько дней подряд не выйдет к традиционному завтраку. Постепенно ему стало казаться, что, если он ей изменит, и это останется незамеченным.

Первый поход «налево» прошел успешно, что придало сил Лямзину и уверенности в себе. Даже, надо сказать, отношения в доме улучшились: терзаемый чувством вины Эдик притащил бутылку дорогого французского вина, сам сервировал стол и, вытащив жену из-за письменного стола, где Лариса кропала очередную научную статью, устроил маленький семейный праздник.

– В честь чего? – удивилась она. И тут же, хлопнув себя по лбу, воскликнула: – Да, как же это я забыла! Прости, прости, прости!

По счастью, день совпал с годовщиной свадьбы, и Эдуард оказался на высоте: супруга забыла, а он – молодец! – не запамятовал. Правда, он едва не прокололся, чуть не спутав дату с днем рождения жены, но тут же выкрутился, заявив, что день рождения семьи все равно, что рождение человека – так же значительно. Лариса осталась довольна, а Лямзин еще долго чувствовал себя сволочью.

Время шло, и постепенно притупилось не только чувство вины, но и ощущение опасности тоже.

В один весьма неудачный для Эдуарда день он отправился с новой любовницей, благосклонности которой упорно добивался целый месяц, на дачу. Все шло просто великолепно, но в самый пикантный момент в спальню вошел тесть. То, что последовало дальше, Лямзин вспоминать не любил. Фонарь под глазом был самым малым из тех потерь, с которыми он вышел из переделки. Дело закончилось увольнением по собственному желанию из органов госбезопасности и лишением всех материальных благ. Кинувшегося по успевшим образоваться связям, впрочем, весьма немногочисленным, Эдика вежливо пинали за порог, пока он не понял, что тесть успел предупредить всех.

Оставалось два варианта – вернуться в провинцию или пойти работать в милицию.

Лямзин выбрал второе, рассчитывая со временем на амнистию у тестя и у, казалось бы, такой отстраненной от суетной мирской жизни жены. Он искренне каялся и всячески пытался выпросить прощения у Ларисы, но та была непреклонна. В результате последовал долгий бракоразводный процесс, в течение которого Лямзин старался свести все к примирению сторон, а жена настаивала на разрыве. Итог был довольно неожиданным. На пороге его комнаты в общежитии появился тесть, молча прошел к столу и положил на него ключи.

– Это что? – поинтересовался Лямзин мрачно.

– Твоя новая квартира.

– Откупаетесь?

– Ты сам виноват, – буркнул тесть.

– Да? – усмехнулся Лямзин. – Тогда ответьте мне только на один вопрос: правда, что ваша дочь скоро выходит замуж?

– Это ничего не доказывает, – уставился в стену тесть.

– А то, что ее роман длится уже два года?

– Вы квиты.

Так Лямзин очутился в небольшой однокомнатной квартире в спальном районе Москвы и, то ли от скуки, то ли от разочарования в людях, всей душой отдался своей давней страсти – фотографии.

С фотоаппаратом он старался по возможности не расставаться. Была б его воля, он бы и на работу ходил обвешанный объективами, но это вряд ли бы понравилось начальству, и с этим приходилось считаться.

Ради удачного снимка Лямзин готов был влезть на крышу или даже повиснуть на ветке дерева над водопадом, лишь бы заснять, как солнце играет в брызгах разбивающейся о камни воды.

Происшествие, на которое пришлось выехать сегодня, было первым с утра. Так хотелось надеяться, что весь день пройдет спокойно, и тут – на тебе. Какой-то придурок вломился в запертую на замок квартиру, о чем соседка оповестила милицию, потребовав принять меры.

Поднимаясь на пятый этаж, Лямзин едва не споткнулся о собаку непонятной породы, которая метнулась по лестнице, жалобно скуля. Чучело, похожее на помесь болонки со шпицем, но низкое в холке, как такса, вдобавок имело клочковатую шерсть и острые, с кисточками на концах, уши. Существо метнулось вверх, село на лестничной площадке пятого этажа и, задрав морду вверх, тоскливо и протяжно завывало.

– Собачка, собачка, тю-тю-тю-тю... – позвал старший лейтенант Борисов, в отличие от Лямзина всегда довольный жизнью и потому чаще всего пребывавший в легкой эйфории. Высокий, белобрысый, остряк и балагур, Борисов никогда не знал отказа у слабого пола и с удовольствием этим пользовался.

– Что ты растюкался тут? Это не кролик тебе, а собака. Откройте, милиция! – Лямзин забарабанил в девятнадцатую квартиру.

– Там он, там! – высунулась из-за двери пожилая женщина. – Я сама видела, как он кулаком стукнул, а дверь-то и распахнулась.

– Что делать будем, Эдуард Петрович? Вскрывать?

– А слесаря нету, – поспешила показать свою осведомленность соседка. – Ему вчера по пьянке ногу грузовиком оторвало, в больнице он.

– У вас что, один слесарь в ЖЭКе?

– Кому ж охота не на свой участок идти?

В этот момент собака, которая сидела, словно прислушиваясь к разговору, вдруг вскочила и начала отчаянно скрести лапами дверь.

– Похоже, там кто-то есть, – указал на нее Борисов. – Вон, собачка-то как беспокоится.

Лямзин ненадолго задумался, потом махнул рукой:

– Давай, бей, один черт!

Борисов, насколько можно было, отошел, с разгону ударил по двери плечом, и та резко распахнулась. Споткнувшись о стоявший на дороге стул, парень пролетел еще несколько метров, едва удержавшись на ногах, чтоб не упасть.

– е-мое... – пробормотал он, отдышавшись. – Тут можно было ладонью вышибить, а я, как на ворота замка, разогнался.

– Романтик! – фыркнул Лямзин. – Ворота, замки... А работать устроился конюшни разгребать.

Он прошел немного вперед, заглянул в спальню и остановился, нервно икнув. Все планы на сегодняшний вечер летели в тартарары.

И ведь сколько уж раз он давал себе зарок ничего не загадывать заранее! Так нет же, как раз сегодня хотел сорваться пораньше с работы и завалиться перед телевизором смотреть футбол. И вот, вместо телевизора – жмурик. Можно теперь проститься не только с томным вечером, но и с ночью тоже, потому что скоро такие дела не делаются.

В том, что женщина мертва, у Лямзина сомнений не было: руки судорожно сжаты, лицо синюшное, с безобразно вываленным языком, на шее – узкая странгуляционная борозда, а по-простому – след от удавки.

– Что смотришь? – заорал он в сердцах на Борисова. – Звони в управление, вызывай следственную группу. Труп с признаками насильственной смерти, предположительно удушение. – Лямзин внимательно взгляделся, потом подошел к окну и добавил: – Возможно, шнуром от жалюзи.

Эдуард посмотрел вниз, оценил высоту и вероятность того, что преступник мог покинуть квартиру таким путем. Решив, что это практически невозможно, закружил по квартире, заглядывая во все углы. В узком коридоре опять наткнулся на стул, хотел его пнуть и замер, осененный догадкой.

Чтобы лучше видеть, Лямзин даже опустился на четвереньки и, присвечивая себе фонариком, склонился над пыльным полом. Паркет, посередине уже затоптанный несколькими парами ног, под стенкой еще хранил пыль, и на ней четко отпечатались четыре ровненьких кружочка. Лямзин аккуратно поставил на них стул, проверяя свою догадку, нервно смахнул пыль с брюк и, открыв дверь в подъезд, уставился на потолок.

– Так и есть, – пробормотал он, – люк. Вот ить твою ять... Борисов! – гаркнул он. – Ставь стул и лезь наверх!

Пока Борисов исполнял поручение, Лямзин раздраженно наблюдал за ним. Исполнительность подчиненного почему-то злила. Хотя, впрочем, сегодня его злило все: устал, планы на вечер нарушены, а в личной жизни такой застой, что и в гости, с перспективой позавтракать вместе, ни к кому не напросишься.

– Ну, что? – задрал голову вверх, крикнул он в черное нутро люка.

– Никого! – гулко отозвался Борисов и оглушительно чихнул. – Там дальше во второй подъезд выход, он вполне мог туда уйти.

– Сам знаю, – буркнул Лямзин. – Иди вниз, ищи свидетелей. Если найдешь человека, что-либо заметившего, расспрашивай, кто в дом входил и в последние пятнадцать минут выходил, а после поквартирный опрос проведешь.

Следственная группа прибыла минут через сорок. Учитывая сложность передвижения по городу из-за вечных пробок и относительную удаленность места происшествия, можно сказать, практически сразу.

За это время Лямзин успел выяснить, что квартира принадлежит Екатерине Григорьевне Каранзиной, пятидесяти лет от роду, разведенной, одинокой. Соседи показали, что в последнее время Катерина Григорьевна отсутствовала, проживая где-то за границей и наезжая домой время от времени. Точной информации никто не дал, потому что, как выяснилось, Катерина с соседями всегда держалась сухо, откровенничать не любила.

Ее же племянница – тридцатитрехлетняя Таисия, являлась полной противоположностью тетке: языком мела, как помелом. По отзывам тех же соседей, разумеется. Увы, предпочитала она больше болтать о своих собственных проблемах, чем о теткиных, так что из соседских сплетен Лямзин ничего полезного для следствия не извлек.

Обычно Таисия приходила раз в неделю – полить цветы и протереть пыль, а иногда, если задерживалась, оставалась ночевать. Поскольку несколько человек подтвердили, что вчера вечером ее здесь видели, Лямзин решил, что убитая блондинка и есть Таисия.

Самое противное в работе опера – беседовать с родственниками погибших. С ними Лямзин очень не любил разговаривать и всегда старался переложить эту обязанность на кого-нибудь другого, но сейчас время не терпело, и пришлось ему идти к телефону самому. Трубку сняли довольно быстро, и бодрый женский голос сообщил, что родные с Таисией Тиховой не проживают, а если кому-то нужна она сама, то это она самая и есть.

Сначала Лямзин воспрянул духом, потом сообразил, что о смерти все равно сообщать надо. Племянница, узнав о причине обращения к ней милиции, сначала охнула, потом всхлипнула, а затем со слезой в голосе простодушно сообщила, что все ее планы на сегодняшний вечер летят к черту. Ведь не успеет же она к нужному времени и тело опознать, и свидетельские показания дать.

– А даже если и успею, я ж не бездушная какая, все равно не смогу после идти в гости и танцевать, – всхлипнула Таисия.

Вслух Лямзин ей посочувствовал, в душе же испытал чувство странного облегчения от того, что не только у него все планы летят к черту.

Осмотр квартиры был в самом разгаре, когда Таисия появилась на пороге теткиной квартиры.

– Вы кто? – загородил ей дорогу Борисов.

– Я Тая, племянница Каранзиной, – прошептала пришедшая, нервно сглатывая слезы и едва не теряя сознание от волнения. Рядом с ней, повизгивая и поскуливая, крутилась собака, ранее выгнанная милиционерами из квартиры.

– Пшла! – цыкнул на лохматое существо Борисов. – Пшла, я говорю!

– Это теткина собака, – дрожащим голосом сообщила Таисия, – Катерина ее из-за границы с собой притащила: любила она животных, не могла без них. Не гоните, я псинку с собой заберу. Не пропадать же животине.

Слезы все-таки полились, Тая суетливо выхватила из кармана платок и прижала его к глазам.

– Эдуард Петрович, – представился Лямзин, выдвигаясь чуть-чуть вперед. – Думаю, стоит начать с опознания убитой. У нас, признаться, возникли некоторые сомнения в личности потерпевшей. Вашей тете ведь пятьдесят лет, не так ли?

– Пятьдесят, – кивнула Тая, – скоро должно было исполниться пятьдесят один.

– Но убитая женщина выглядит очень молодо. Взгляните, возможно, это не она?

Тая пошла вперед, но, увидав мертвое тело, в ужасе закрыла глаза.

– Ну-ну, успокойтесь, – взял ее за локоть Лямзин. – Придется взглянуть, кроме вас некому опознать.

Тая медленно подошла, близоруко прищурилась и вдруг судорожно затрясла головой и разрыдалась. Лямзин терпеливо ждал.

Наконец, Таисия справилась с волнением и заговорила:

– Это она, Катерина. У нас в роду все молодо выглядят и... долго живут, – Тая всхлинула. – Вот только Катерина... не смогла... – Женщина туго намотала платок на палец, распустила и намотала снова. – Катка недавно за границей целый курс омоложения прошла, писала мне в письме. Так что, пожалуй, теперь даже моложе меня выглядеть стала. Я ее когда увидала, так даже не признала сперва – стоит красавица лучше, чем в молодости была. А она смеется... Мне даже завидно стало. А зря, значит, позавидовала, недолго ей радоваться красоте-то своей пришлось...

Таисия опять заревела, закрыв лицо носовым платком и сотрясаясь всем телом. Лямзин выждал, пока рыдания стихнут, и задал очередной вопрос:

– Так когда, вы говорите, она прилетела?

– Два дня назад.

– Откуда?

– Из Австрии.

– А что ваша тетя делала в Австрии?

– Жила там, – шмыгнула носом Таисия. – Такая счастливая была, когда замуж выходила...

– И что потом случилось?

– Не знаю, резко как-то развелись. Наверное, не поделили что-то. И зачем она только сюда вернулась? Осталась бы там, может, жива б была! А кто ее убил, что-нибудь известно?

Лямзин пожал плечами.

– Выясняем. Скажите, вам что-нибудь известно о ее круге общения?

– Да так, знаю кое-кого. Тетки ведь почти два года в России не было, какие тут общие знакомые. Знаете, как быстро сейчас забывают любого, если отношения не поддерживать.

– Знаю, – кивнул Лямзин, сразу вспомнив, как от него отвернулись все, кого он знал, стоило только ему попасть в немилость у тестя.

– Мне нехорошо, – пожаловалась Тая, вставая, – голова кружится, и дурнота подступила. Пойдемте на кухню, я кофе сварю, там и поговорим.

Лямзин вопросительно повернулся к начальнику следственного отдела, и тот согласно кивнул:

– Только мне тоже чашечку кофе, пожалуйста.

– И мне! И мне! – донеслось сразу несколько голосов с разных сторон.

Тая кивнула.

– Да без проблем.

Они прошли на кухню, где Лямзин сел на маленький угловой диванчик, с наслаждением вытянул ноги под столом и снял туфли.

– В отсутствие тетки вы ухаживали за квартирой?

– Да, – кивнула Тая.

– Гостей водили? Могли ее вместо вас по ошибке убить?

Таисия вытаращила глаза и кулем свалилась на табуретку:

– Меня? Убить? За что?! Кто?!!!

– Ну, это вам виднее, кто, – желчно ответил Лямзин. – Согласитесь, странно: женщина возвращается из-за границы, где пробыла достаточно долгое время, и практически сразу ее убивают.

– То, что ее убили, вообще странно, – не согласилась Таисия, – она никому зла не причиняла. Если не считать злом то, что вечно была занята только собой и никем больше, потому и не уживалась ни с кем. А в остальном – абсолютно безобидное существо.

– А ее муж? Ведь она была замужем?

Таисия задумалась, потом осторожно спросила:

– Вы о ком? Об австрийце или о первом муже? Я других мужей у нее не знаю.

– О первом, – согласился Лямзин. – Что вы можете о нем сказать? Он мог желать смерти своей бывшей жене, Катерине Каранзиной?

– Нет, – отшатнулась Тая, – он безвредный совсем, далекий от мира. Одно слово – художник. Правда, неудачливый, никто его картины не покупает. Может, потому и разошлись они с Катериной, что тетка моя все время пыталась мужа предприимчивости научить. Да и моложе он ее на пятнадцать лет, вот она его и воспитывала, удержаться не могла. Сама-то неплохо получала – переводчиком с французского и немецкого в крупной фирме работала, муж же вечно на ее шее сидел. Ну и надоело ей. В ее представлении мужик должен быть сильным, властным и обеспеченным, а не хлюпиком, который лишь время от времени рисует картины, а когда их никто не покупает – занимается самобичеванием и страдает депрессиями. Так вот, терпела она, терпела, а потом и выгнала его, сама же замуж за иностранца собралась.

– Почему она в Австрии, после того как брак был расторгнут, не осталась?

– Понятия не имею, – пожала плечами Таисия. – Мы встретились, и я сразу спросила ее об Альберте – ну, об австрийце. Так она губы поджала, помрачнела, а потом бросила так зло: «Еще посмотрим, кто есть кто. Я ему еще нос утру». Но что там у них случилось, что она хотела сделать, я так и не узнала.

– Не спросили?

– Почему же, спросила, а Катерина только загадочно улыбнулась и сказала: «Потом». Вот оно как вышло... потом-то так и не наступило. И не наступит никогда.

Таисия некрасиво скривилась и опять зарыдала, вытирая лицо попеременно то рукавом, то скомканным в шарик платком.

Женских слез Лямзин не выносил. При виде их Эдуард обычно терялся и чувствовал себя последней скотиной – ему почему-то всегда казалось, что именно он в тех самых слезах виноват. Вот и сейчас он нервно заерзал на стуле и торопливо напомнил:

– Вы собирались угостить нас кофе...

– Ах, да! – спохватилась Тая.

Она вскочила и потянулась к верхней полке, на которой стояла прозрачная банка с шоколадного цвета порошком. Роста явно не хватало, Таисия поднялась на цыпочки, отчего тонкий трикотаж облепил ее тело, подчеркнув крутизну бедер и узкую талию.

Лямзин не без удовольствия окинул взглядом изгибы фигуры, похожей на абрис гитары, и в тот момент Таисия обернулась.

– Вы не поможете мне... – начала она и осеклась, поймав его взгляд.

– Да, конечно, – Эдуард смутился, как мальчишка, пойманный под окном женской бани за подглядыванием, вскочил и снял банку с полки. – Вот, держите.

– Спасибо. – Женщина словно случайно коснулась кончиками пальцев его руки и затем пошла, медленно покачивая бедрами. У самой плиты взглянула через плечо:

– Вам с корицей или с перцем? – Голос ее вдруг приобрел томные нотки, движения стали кокетливы и плавны, а слезы на глазах просохли. Лямзин с досадой подумал, что сейчас, похоже, его начнут атаковать.

– Мне натуральный, без пряностей и добавок. И давайте вернемся к разговору о Катерине Григорьевне. Вы не знаете, с кем она собиралась увидеться после приезда? – нарочито сухо задал он следующий вопрос. – Может быть, ваша тетя рассказывала о каких-либо своих планах – возможно, с кем-то успела договориться о встрече или уже встречалась?

Таисия села на край диванчика и ссутулилась, на лице ее отразилась активная работа мысли.

– Да, было. Я вспомнила! Катерина хотела увидеться с бывшим мужем, Антоном. Еще произнесла: «У меня к нему интерес на миллион долларов». Но я тогда внимания не обратила – фраза-то избитая, подумала, просто такой фигуральный оборот. А может, у нее и правда дело какое-то важное было, и ее из-за этого убили-и... – на последней букве Таисию заклинило, и она заревела.

– Кофе, – напомнил Лямзин.

– Да-да, кофе! – Женщина вскочила, вытерла ладонью слезы и уставилась на турку. – Сейчас уже готово будет, пенка почернела.

Она разлила кофе по чашкам, села, снова ссутулившись, и уставилась в стену, зажав ладони между коленками.

– Еще один вопрос, – прервал ее невеселые мысли Лямзин. – Вот здесь описание человека, которого видели во дворе предположительно в момент убийства. Прочитайте.

Таисия медленно достала сигарету, подождала, пока Лямзин, чиркнув зажигалкой, поднесет огонь, жадно затянулась и придвинула к себе листок бумаги.

– Высокий рост, светло-каштановые волосы, серые глаза, на вид лет тридцать пять, одет в длинный светлый плащ и темно-серые брюки. Это все? – изумленно подняла она глаза на Лямзина. – Да под такое описание полгорода подойдет.

– Ну, допустим, не полгорода: судя по описанию, внешность у мужчины неординарная. А полгорода – это когда отвечают: «Рост? Ну, как у моего мужа... Какой? Ну, средний... Лицо? Обычное такое лицо: нос, рот... Куртка? Ну, как у всех... А брюки, синие... ой, нет, черные... или коричневые... не помню точно, какие». – Лямзин так смешно спародировал интонации и мимику туго соображающего человека, что Таисия приснула.

– И что, бывают такие свидетельские показания?

– Сколько угодно, – скривился Лямзин. – Люди в большинстве своем не слишком наблюдательны, да и то, что заметят, частенько перевирают. Но в описании этого человека свидетельницы были единодушны, добавив, кстати: «Красив мужчина невероятно».

– Прямо, невероятно... – хихикнула Таисия. – Ну, конечно, здесь проживают в основном старые девы, вечно озабоченные поисками жениха.

– То есть, полагаете, словам о красоте сильно доверять не стоит?

– Я бы не доверяла. Красота – понятие относительное. То, что одним красиво, у других вызывает раздражение.

– Ага, ага, – согласился Лямзин. – И что насчет такого человека в окружении вашей тети?

– Если описание верное, то я его не знаю. Не было около нее высоких сероглазых красавцев лет тридцати пяти. А после неудачного брака с Антоном Катерина и вовсе щепетильно относилась к выбору мужчин. Не в смысле внешности, а в смысле благосостояния, разумеется. Она считала, что мужчина должен быть обязательно дерзким, немного нагловатым и обязательно предприимчивым. То есть у него непременно должны иметься деньги. Внешность в ее раскладе занимала последнее место.

– Понятно, – крикнул Лямзин. – Однако суровой женщиной была ваша тетя. И еще два вопроса. Первый: она увлекалась оригами?

Таисия вытаращила глаза:

– Чем?

– Тогда следующий вопрос, не увлекаетесь ли складыванием фигурок из бумаги вы, отпадает сам собой.

– Ах, да, вспомнила, что это именно так называется. Катерина вообще не любила заниматься ничем кропотливым – не в ее характере. Ей бы побыстрее что-нибудь забацать, чтоб раз-два – и готово.

– А вы?

– Я не умею. В детстве когда-то пробовала, на уроках труда, но это самые простые модели были: тюльпанчик, лягушка. Их все, мне кажется, умеют делать.

– Взгляните сюда...

Лямзин открыл папку и достал прозрачный пакет с аккуратно вложенной в него красной бумажной бабочкой.

– Видели ли вы когда-нибудь эту вещь в квартире вашей тети?

Таисия долго рассматривала, потом отрицательно покачала головой.

– Нет, я бы запомнила, очень красивая поделка. И, знаете, сейчас пыталась представить, кто бы из детей знакомых Катерины мог сделать такую, и никого не нашла. Мне почему-то кажется, что ее смастерил взрослый человек – слишком аккуратны и изящны линии.

– Вот тут мы с вами единодушны, – согласился Лямзин, – я думаю так же.

Глава 3

Любовь и ненависть – две оборотных стороны одной медали. Если ненавидишь, значит, еще не разлюбил. Если говоришь, что простил и забыл, значит, еще помнишь. Равнодушие – вот смерть любви.

В сердце Никиты равнодушию не было места. Напротив, противоречивые чувства раздирали его. То казалось, застань он Эльзу с любовником – убил бы обоих, не задумываясь. То вдруг его окатывало волной такого отчаянного одиночества, что он готов был не только простить все, но даже обвинить себя в измене жены.

А как было бы хорошо сейчас, вернувшись в прошлое, поцеловать спящую Эльзу, обнаружить, что все случившееся – только ночной кошмар, и радостным от своего открытия побежать на работу. Нет, пожалуй, произойди так, он поступил бы иначе: разбудил бы ее поцелуями, ласками и долго еще, не давая уснуть, говорил о любви.

Ему так страстно захотелось, чтобы случилось именно так, что он тоскливо подумал: этого больше не будет никогда.

Так уж повелось издавна: все, чего он очень сильно хотел, разрушалось.

Когда-то, в далеком детстве, Лавров был пылко влюблен в соседскую девочку. При одном взгляде на нее у него перехватывало дыхание, ноги прирастали к земле, а язык становился неповоротливым и лип к гортани.

Однажды набравшись храбрости, Никита пригласил ее на свидание, и та согласилась. На следующий день он вскочил чуть свет и потом, замирая от счастья, представлял, как будет ждать с букетом в руках, что скажет, как она ответит, и гадал, засмеется ли в ответ. А еще, может быть, он прикоснется к ее руке, а девочка не отведет взгляд.

Никита до блеска начистил ботинки, выпладил брюки и рубашку, надушился отцовским, страшно нравившимся ему одеколоном. Он так боялся опоздать, что пришел на свидание раньше на целых полчаса. И потом еще ждал полтора, переминаясь с ноги на ногу и смущенно озираясь по сторонам. А девочка не пришла. Совсем.

Потом Никита узнал: в то время, когда он трепетал на ветру, предвкушая радость встречи, она была в кино. С его другом.

С тех пор Никита избегал сильных эмоций, считая, что страстно мы желаем лишь то, чему случиться не суждено. Может быть, на подсознательном уровне, в глубине души мы просто уже знаем верный ответ – НИКОГДА, но сознание сопротивляется до последнего, подсовывая надежду: «А вдруг?»

Лавров сразу поверил в измену Эльзы, потому что слишком хорошо знал такой вот ее пьяный от любви взгляд. О, этот взгляд женщины, испытавшей вершину наслаждения! Сколько в нем томности, неги, сознания своей обольстительности. Они были счастливы в браке, были друзьями и нежными любовниками, и осознание того, что Эльза может быть так же счастлива с другим, хлестко ударило Никиту по нервам.

«Но как я мог не догадываться ни о чем? Неужели я настолько слеп, что не заметил примет неверности в человеке, которого, как полагал, знаю достаточно хорошо? – стучали в висках мысли. – Или Эльза научилась так искусно притворяться? Тогда я все равно слеп, раз не видел, как сильно она изменилась. А может быть, для нее это была любовь с первого взгляда, как молния сразившая ее? Как назло, я был слишком занят на работе, завертелся последнее время так, что дни летели один за другим, серой чередой сменяя друг друга...»

И вот теперь он потерял все: не будет больше тех чудных вечеров, когда они сидели вместе за красиво сервированным столом и говорили, говорили, говорили.

Им никогда не было скучно вдвоем, всегда находилось нечто интересное, что непременно хотелось обсудить: полеты ли Ричарда Баха во сне и наяву, органную музыку его зна-

менитого предка или ископаемую орхидею, застывшую в куске янтаря миоценового периода. Когда они были вдвоем, им больше никто не был нужен.

Второй чердачный выход оказался открыт. Стараясь не думать, что было бы, окажись на его пути еще один замок, запертый снаружи, Никита спрыгнул вниз, очистил голову и плащ от налипшей паутины и побежал по лестнице вниз. Во дворе возле колеса милицейского «уазика» копошился водитель, что-то подтягивая там, кажется, а рядом стоял еще кто-то. Но Никита не рискнул разглядывать, хотя очень хотелось. Быстрым шагом, делая вид, что таким путем он каждый день выходит со своего двора, Лавров пересек дорогу и свернул в ближайший проулок. Только почувствовав себя в безопасности, он остановился и огляделся. Погони, похоже, нет, и нужно решить, что ему делать теперь.

Присев на крашенную зеленой краской трубчатую изгородь, Никита полез в грудной карман и достал записную книжку. Начал читать подряд, еще толком не понимая, зачем это делает. На фамилии «Гаркунова» споткнулся. Ольга Гаркунова, школьная подруга Эльзы, вполне могла оказаться тем человеком, у которого сейчас находится жена. Кажется, дальше должны быть еще несколько телефонов знакомых и подруг.

– Да! – гаркнула хрипловатым контральто в трубку Ольга и шумно отхлебнула из кружки.

– Привет, Оля. Что делаешь? – Лавров чувствовал себя то сыщиком, расследующим дело, то жалким мужем-рогоносцем, преследующим неверную жену, и, наверное, от этого, голос его на последнем слове дрогнул.

– Кофе пью и курю, – с удовольствием отчиталась Ольга и хихикнула. – У меня «окно».

– Не уделишь мне несколько минут? Я недалеко, мог бы забежать, поболтать.

– Изволь... – Последовавшее за тем хрюканье в трубке, вероятно, означало смех.

Маленький кабинет музыки, в котором Ольга растила будущих виртуозов, находился под самой крышей. Единственным достоинством его было то, что из окна можно смотреть в небо на облака, которые никогда не бывают одинаковыми, и еще – на голубей, взлетающих с шеста.

В остальном премерзкий был кабинетик. Зимой в нем стыли пальцы, и их все время хотелось засунуть поглубже в рукава, а летом стояла нестерпимая жара, не совместимая с плодотворными творческими занятиями. Плюс ко всему весь он был заставлен музыкальными инструментами и коробками, пахнущими пылью, но Ольгу это совершенно не волновало. Казалось, не существует такой силы в мире, которая могла бы выбить ее с колеи. Кроме, пожалуй, Олиной мамы. Та была единственным человеком, который легко умел довести Ольгу до слез и с успехом этим пользовался.

Оленька росла очаровательным ребенком. Хорошенькое личико, с огромными черными глазами, маленьким точеным носиком и вишневыми губками, сложенными бантиком, обрамляли волны роскошных кудрей. Мать души не чаяла в своей дочке и одевала ее, как куклу, всячески балуя и никогда не ругая.

Она свято верила, что ее дочь – совершенно особенный ребенок, достойный всего самого лучшего: если платье, то самое красивое, если бант – то самый большой, если школа – то самая известная. Оленькиным нарядам завидовали все девочки, а мать гордилась дочерью, невольно внушая своим поведением мысль, что она избранная. Лучше всех. Вскоре Оленька загордилась настолько, что к другим людям начала испытывать высокомерное презрение. Девочка считала, что ей позволено все, а потому могла незаслуженно оскорбить или обидеть любого человека, будь то ровесник или старушка, вслух выразившая восхищение ее красотой.

Жизнь сложная штука. И любит все расставлять по местам. Для Ольги данный процесс начался с половым созреванием – она вдруг стремительно располнела, глаза уменьшились и сбежались к носу, а сам нос вырос и загнулся крючком.

Девушка восприняла перемены в своей внешности как трагедию. Теперь Оля часто рыдала по ночам, а мама успокаивала ее, по-прежнему балуя нарядами.

К счастью, господь, отобрав красоту, взамен наделил Ольгу добродушием, веселостью и остроумием. Может быть, они были у нее всегда, но за налетом эгоизма их не было заметно. Теперь, когда девушка получала обратно то, что когда-то посеяла сама: насмешки, подколки и грубость, – чувство юмора оказалось весьма кстати. Постепенно жизнь пришла в хлипкое равновесие, нарушаемое только попытками маменьки продолжать руководить дочерью и самой направлять ее жизнь.

Оленька всегда жила так, как хотела ее мама. Несмотря на то, что была совершенно равнодушна к музыке, она окончила музыкальную школу, а затем и музыкальное училище, потом сделала аборт, расставшись с парнем, которого любила, и вышла замуж за того, кого сосватала ей мама. В один прекрасный момент терпение Оленьки лопнуло, и она научилась говорить «нет»: развелась с мужем и стала вести богемный образ жизни, нисколько не заботясь о том, что это бесит ее мать. Родительница злилась, устраивала скандалы и ставила ультиматумы, но Ольга все пропускала мимо ушей и гнула свою линию.

Постепенно в доме воцарилась атмосфера холодной войны. Иногда мамаша в сердцах тыкала Оленьке фирменным сапогом в лицо, попрекая неумением зарабатывать деньги, или пыталась заставить уйти с работы и пойти на рынок торговать, но с Ольги все было как с гуся вода. Она продолжала жить, как хотела, словно мстя матери за то, что та с младенчества учила ее ценить не душу, а деньги.

Никита поднялся по пыльной скрипучей лестнице наверх и постучал в маленькую, обитую железом дверь гримерной, где располагалась студия.

– Открыто! – хрипло рявкнула Ольга. – Входи.

Никита пригнулся, чтоб не стукнуться о притолоку головой, и тут же едва не споткнулся о барабаны, которые кто-то бросил возле порога. В комнате странно пахло бензином.

– Ты чего так долго? Сказал же, что рядом... Ну, да ладно, у меня сейчас еще одно «окно» – ученик заболел. Кофе будешь?

Никита кивнул. И лишь увидев, как Ольга направляется в туалет за водой, запоздало спохватился. Видимо, с маменькой у Ольги опять напряженные отношения, и ее урезали в средствах. Следовательно, кофе будет растворимый и самый дешевый.

Вернувшись, Ольга поставила чайник греться и села у окна. Нимало не смущаясь Никиты, достала пузырек и, смочив вату, начала оттирать прядь волос у виска. Бензином запахло сильнее.

– Вот видишь, что мамусик учудила, – прокомментировала свои действия Ольга, не дожидаясь, пока Никита задаст вопрос. – Собираюсь на свадьбу к подруге, а ей пол в коридоре вздумалось красить. Вот скажи, это что, так важно, да? Не может подождать? Тем более что ремонт делали год назад, чего портить-то... Ну вот, она, значит, красит, я с ней не спорю – раз нравится человеку, пусть себе! – и так аккуратненько пытаюсь по стеночке ее обойти. А она как вскочит, и давай мне валиком с краской в лицо тыкать! Еле удрала, на улице уже вытирала, а возле уха не заметила. Так и отгуляла свадьбу, с ухом в оранжевой краске. Главное, никто ж не сказал! А, – Ольга махнула рукой, – может, и не заметили.

– Или решили, что это новый элемент модного макияжа. Весьма оригинальный цвет, очень освежает.

– Издеваешься... – вздохнула Оля. – А мне не до шуток. Так родительница замучила, куда угодно бы от нее сбежала. Ну, давай, жалуйся, не меня же ты слушать пришел.

– Что? – не понял Никита.

– Рассказывай, говорю, – приободрила его Ольга, – как поживаешь. Как Эльза? Не болеет?

– Да я как раз насчет Эльзы... Когда вы виделись в последний раз, не скажешь?

– Месяца три назад, – с готовностью ответила она.

– Вы стали так редко видеться? – удивился Никита.

– Да, знаешь ли, – протянула Ольга, – все работа, работа, некогда и в гору глянуть.

Никита с недоверием покосился на нее: Ольга никогда не была трудоголиком и работой себя не обременяла.

– Ну, не работа, – неохотно согласилась она, заметив реакцию Никиты на ее слова. – Просто не виделись, и все.

– Вы поссорились?

Ольга обиженно засопела.

– Знаешь, твоя жена последнее время стала совершенно невыносима, по любому пустяку могла начать орать.

– Эльза?! – изумился Никита. – Не могу поверить. Она никогда голос не повышает, даже когда нервничает, говорит полупшепотом.

– Плохо ты свою жену знаешь, – съехидничала Ольга. – А ты, значит, наконец вынырнул из своих проблем и обнаружил исчезновение жены?

– Так ты все знаешь? – хрипло переспросил Никита. – Откуда?

– Что знаю? – заинтересовалась Гаркунова и даже перестала тереть ухо бензиновой ватой.

– Что Эльза исчезла.

– Вообще-то я образно выразилась. – Ольга хмыкнула. – И что, попала в точку? А ну-ка рассказывай, что произошло.

– То и произошло, что моя жена исчезла. То есть я не знаю наверняка, но не могу ей дозвониться. И дома ее, кажется, нет.

Под взглядом Ольги Никита начал краснеть.

– Так не знаешь наверняка или все же – исчезла?

– Сегодня утром я получил записку. Странную. С указанием адреса, где можно Эльзу найти, если очень поторопиться. Обстоятельства сложились так, что я немного задержался. По адресу Эльзу не застал, дома она больше не появлялась.

– Что было в записке, кроме адреса? – спросила Ольга строгим учительским тоном.

Никита почувствовал себя двоечником, не выучившим урок. Повисла пауза. Хотелось соврать, но еще больше хотелось узнать правду.

– Там было написано, что она мне изменяет, – тихо произнес Лавров.

– Так, так, так... – забарабанила Ольга пальцами по столу, ничуть не удивившись. – Что ж, это многое объясняет.

– Значит, правда, – желчно процедил Никита. – Ты даже не дала себе труда прикинуться удивленной.

– Да. То есть – нет. То есть... – Ольга запуталась и замолчала, потом медленно начала снова. – Я не знала наверняка, но, учитывая характер ваших взаимоотношений в последнее время, не исключала такой возможности.

– Какой характер? – взорвался Никита. – У нас были прекрасные отношения!

– Это ты так думаешь. А вот ответь-ка мне тогда, что волновало твою жену последние три месяца и кто новый появился в ее окружении?

– А тебе откуда знать, что я отвечу правду, если ты и сама не виделась с нею целых три месяца?! – возмутился Никита.

– Ты не кричи, – миролюбиво прервала его Ольга. – Да, мы не виделись, но предположить я могу, потому что в курсе событий ее недавней жизни.

– Например? – ошетинился Никита.

– Например, когда она была у меня последний раз, то сказала, что с ней происходит нечто странное. Я спросила, что думает по этому поводу Никита, то есть ты, и она ответила, что Кит занят своими проблемами, то есть тебе сейчас не до нее. А спустя полчаса после ее ухода пришел какой-то тип и поинтересовался, была ли у меня Эльза.

– Какой тип? Как его зовут? Гриша? – насторожился Никита.

– Как зовут, понятия не имею, но что мужик красавец, заявляю со всей ответственностью. Импозантный, обаятельный, с хорошими манерами. – Ольга закатила глаза и причмокнула губами.

Никита побагровел.

– Можешь его описать?

– А ты в картинах Эльзы поищи, она не могла пройти мимо такого характерного типажа, – подмигнула Ольга. – Жена ведь у тебя художница, или как?

– Не ерничай, – окрысился Никита, – опиши лучше, как он выглядел.

– Высокий, коротко стриженная седина, одет со вкусом. Глаза светло-серые, усы.

– Усы? – удивился Никита.

– Да, усы. А тебя удивляет, когда мужчина носит усы?

– Эльзе не нравятся мужчины с усами.

– Много ты знаешь! – фыркнула Ольга. – Так тебе Эльза и будет рассказывать, какие мужчины ей нравятся, а какие нет.

– Ладно, хорошо. Но почему ты в начале сказала про него – «тип»? Если он такой душка и обаяшка, откуда взялось столь уничижительное слово?

– У меня? – изумилась Ольга.

– У тебя, у тебя. И не отпирайся, у меня с памятью все нормально.

– А со слухом?

Никита побагровел и наклонился вперед, как будто готов был ударить собеседницу.

– Все-все, вспомнила, – выставила вперед ладонь она. – Я так сказала, да, но это мое субъективное ощущение. Одинокая женщина имеет право на сексуальные фантазии.

– О себе фантазируй, сказочница.

– Ну, хорошо, – сдалась Ольга, – о себе так о себе. Сегодня ночью предамся безудержным фантазиям. Можно, я представлю себе групповуху с твоим участием?

– В твоём возрасте о групповухе пора уже вспоминать как о детских шалостях, – огрызнулся Никита. – Рассказывай скорей про типа с усами, у меня времени мало.

– Ну, ладно, нельзя, так нельзя, – притворно вздохнула Ольга, ничуть не смутившись. – Значит, так: взгляд у мужика странный – немигающий и пристальный, как у удава. И глаза такие... очень светлые глаза. Сильно-сильно светлые, даже водянистые, я бы сказала, но ободок у радужки темный, почти черный.

– И при этом красив, как Аполлон, – желчно заметил Никита. – Интересно, как только ему удастся быть одновременно обаятельным и иметь взгляд удава?

– Ладно, не напрягайся, красавчик, поддразнила я тебя. Он брутальный и даже харизматичный, но мне не понравился. Неприятный. Роста высокого, глубоко посаженные глаза, выступающие надбровные дуги, одет элегантно, даже, можно сказать, щегольски, но без куража. Скучно.

– И еще у него усы.

– Нет, не было усов.

– А раньше сказала, что были.

– Не припоминаю. Но, кажется, все-таки их не было.

– Стерва.

– Да? – удивилась Ольга. – А мне говорили, что я богемна.

– Богемная стерва, – согласился Никита.

Ольга картинно затянулась сигаретой, выпустила дым в потолок и хриплым контральто лениво произнесла:

– А еще я помню, как Эльза на тебя жаловалась. «Никитка, – говорила, – совсем перестал меня замечать, все в работе да в работе. Даже заведи я сейчас себе любовника, не почувствует».

Никита дернулся, и Ольга захохотала.

– Не нравится? А ты про жену не забывай! Не перестал бы ее замечать, может быть, и не бегал бы сейчас по городу, разыскивая...

Последние слова ее потонули в грохоте двери, которую Никита с силой захлопнул за собой.

Таня Силкина стояла на деревянной табуретке и, напевая, красила оконную раму в ядовито-фиолетовый цвет.

– Что так смотришь? Цвет не по душе? – хихикнула она, заметив обалделый Никитин взгляд.

– Честно говоря, не очень, – признался тот.

Татьяна засмеялась.

– Это ничего, когда закончу, будет лучше. Тогда тебе обязательно понравится. Здесь еще будут желтенькие полосочки, и получится сказочная зебра. Комната ведь детская, скучно просто в белый цвет красить.

«Зебра явно бешеная», – подумал Никита, но вслух ничего не сказал.

– Ты по делу или просто так?

– По делу. Ты мою Эльзу сегодня случайно не видела?

– Сегодня – нет. Но как-то раз видала, – кивнула та, не отрываясь от работы. – В супермаркете столкнулись, она кокосы покупала и сыр «Эдамер».

– Кокосы и сыр «Эдамер» она тихо ненавидит, – вытаращил глаза Никита. – Скорее всего, это была не она.

Татьяна перестала красить и, не мигая, уставилась на Никиту.

– Лавров, ты меня что, за идиотку принимаешь? Хочешь сказать, я после двадцати лет знакомства не узнаю человека, столкнувшись с ним нос к носу?

– Узнаешь, – нехотя согласился Никита. – А еще что-нибудь в корзине у нее было? Или, может, Эльзу ждал кто?

Татьяна опять перестала махать кистью и, сдув прядь волос с лица, буркнула:

– Раз знаешь, мог бы и не спрашивать, чтоб меня совесть не мучила.

– Эка невидаль, совесть! Когда в девятом классе ты чужой рюкзак вместе со всем содержимым утопила и не призналась, совесть тебя разве не мучила? – ехидно напомнил Никита.

– Эльза знала и не выдала меня, промолчала... – завороченно выдохнула она.

Никита пожал плечами.

– Если ты хорошо знаешь Эльзу, это не должно тебя удивлять: не в ее правилах раскрывать чужие секреты. Так кто ее ждал?

– Знаешь, я особо не разглядывала, но то, что не ты, поняла. И неудивительно, ты ведь последнее время вообще перестал уделять ей внимание.

– Мы были счастливы, – набычившись, упрямо заявил Никита.

– Ну, не знаю... Только тот тип, что сидел в автомобиле, насколько я смогла разглядеть, принадлежит к разряду настоящих мужиков, такие всегда добиваются всего, чего хотят.

– Что?! Что ты хочешь этим сказать? – рявкнул Никита.

– Ничего, – беззаботно откликнулась Татьяна, возобновляя взмахи кистью. – Было в нем что-то такое, что заставляет трепетать слабое женское сердце.

– Последний вопрос, – зло сказал Никита, – и я избавлю тебя от своего присутствия: кто такой Гриша?

– Кто? Гриша? – изумилась Татьяна. – Впервые слышу. Может, мужчина из супермаркета и есть – Гриша. А вообще, знаешь, на Эльзу всегда особи противоположного пола заглядывались, сколько я ее помню. Так что мог быть в ее окружении и Гриша, и еще кто-нибудь. На то и щука в море, чтоб карась не дремал.

– Карась, это тоже имя? – разозлился Никита.

– Карась – это подвид мужчин, характеризующихся тем, что у них из-под носа уводят жен.

Никита выскочил на улицу как ошпаренный, чувствуя себя гаже некуда.

– Найти б тебя, любитель кокосов, да рога бы и пообломать... – пробормотал он. И тут же осекся, вспомнив, что рога, судя по всему, теперь растут у него.

Это испортило настроение окончательно.

После обзвона остальных номеров список заметно поредел. Как оказалось, с того момента, как он аккуратно переписал Эльзины записи себе в блокнот, многое изменилось. Двое из подруг эмигрировали в Штаты, одна обосновалась в Испании, а еще одна вышла замуж за итальянца.

Надежды Никитой возлагались на последнюю аборигенку, не только не успевшую никуда слиться, но еще и создавшую не так давно крепкую российскую семью, дополнительно скрепленную рождением двойни.

Лена Парамонова возникла на пороге своей квартиры с младенцем, которого она беспрестанно трясла и качала, успевая оглядываться на орущего из комнаты второго.

– Костик, смотри-ка кто к нам пришел... Дядя Никита, сейчас будем с ним чай пить... – засюсюкала она, стараясь отвлечь младенца, но тот не перестал хныкать.

– Давай, я подержу, – протянул руки Никита, вешая плащ на гвоздь.

– Как въехали, каждый день собираемся вешалку прицепить, и все некогда, – смутилась Лена.

Никита согласно кивнул, предпочитая не вдаваться в подробности и не уточнять, что с момента переезда, как ему помнится, прошло уже больше двух лет, и, скорее всего, гвоздь поселился на стенке навсегда.

Младенец на руках у Никиты увлеченно засопел, ковырнул пуговку на рубашке и попытался ее лизнуть. Никита спохватился, вернулся в коридор за кульком, в котором покоились два одинаковых игрушечных автомобиля, и вручил один из них Костику. Попытка всунуть машинку в рот была вовремя предотвращена Леной, кинувшейся с криком: «Микробы!» и виртуозно выхватившей машинку в миллиметре от детского слюнявого рта. Костик опять заревел.

– Счас вымою и отдам, – смущенно пояснила она, обращаясь не к Костику, а к Никите. – Столько всяких болезней развелось, а я так боюсь инфекций!

Она унеслась с машинками и со вторым младенцем на кухню, где сразу же загромычала чайником. На руках у Никиты продолжал ныть Костик, с кухни ему вторил брат-близнец.

– А вот и мы! – Лена лучилась счастьем и таким покоем, как будто и не она металась только что как ошалелая в заботах о здоровье младенцев. – Я вас еще не познакомила? Это Леня, младший брат Кости. У них разница в пятнадцать минут.

Женщина метнула чайник с заваркой на стол, сгрузила Леню в манеж и, забрав Костю из рук Никиты, сунула второго сына туда же. Начавшие снова реветь младенцы получили по свежевымытой машинке и синхронно отправили игрушки в рот.

– Ну вот, – удовлетворенно вздохнула Лена, любуясь своими творениями, – теперь, пока они заняты новыми игрушками, можно будет спокойно поговорить. Недолго, думаю, минут пятнадцать-двадцать. Потом им наскучит.

– Вы почкованием делитесь? – спросил пораженный Никита, рассматривая обоих ребятшек и сравнивая с чертами матери. Просто трое из ларца, одинаковы с лица.

– Ага, – засмеялась она, – почкуемся понемногу.

– Лен, я тебя долго задерживать не собираюсь, только пару вопросов задам. Вы с Эльзой давно дружны, скажи, ничего странного с ней в последнее время не происходило?

Парамонова ответила с такой готовностью, будто бы заранее ждала именно этого вопроса.

– Знаешь, я человек прямой, хитрить не могу. Мое мнение таково – давно пора вам с Эльзой ребенка завести.

Никита отвернулся, невидящим взором глядя куда-то в угол, потом неохотно ответил:

– Мне сейчас как-то не до разбора наших семейных проблем, есть дела и поважнее.

– Вот видишь! – вспылила Лена. – Для тебя ребенок – это неважно. Вот скажи, почему ты всегда ребенка не хотел?

– Я? Не хотел? Да кто такое сказал?!

– О, господи... – пробормотала Лена, до которой стал доходить истинный смысл семейной трагедии Лавровых. – Прости, Никитка. Эльза всегда говорила, что она сама не хочет детей, дескать, не любит. Но я-то видела, как она на чужих младенцев смотрит. Разве ж женщину обманешь? Вот и думала, что она тебя так выгораживает, что ты на ребенка не согласен.

– Не получалось у нас, – криво улыбнулся Никита.

– А врачи что говорят?

– Хм, врачи... – отмахнулся он. – Здоровы, говорят, оба. Здоровы, а детей нет. Мы уже и мечтать перестали.

– Как так? – вытаращила глаза Лена. – А аборты были?

– Восемь лет назад. Сказали, была девочка. И после как отрезало – ни одной беременности.

– Слушай, я где-то читала, что если женщина долго живет с одним мужчиной, то ее организм привыкает, и зачатие не происходит. А стоит только сходить «налево», так сразу «залет».

– Ты рекомендуешь Эльзе «налево» сходить?! – возмутился Никита, почувствовав себя задетым за живое.

– С ума сошел, да? Ты сначала дослушай, а потом кричать начинай. Суть в другом: отдохнуть вам надо немного друг от друга, тогда, может быть, и ребеночек получится.

– Вот тут ты в точку попала: уже начали.

– Да ты что! – обрадовалась Лена. – Эльза беременна?

– Нет, но к отдыху мы приступили. Ладно, если вдруг Эльза появится, позвони мне, пожалуйста.

Склонившись к журнальному столику, Никита быстро записал свой номер телефона, схватил плащ с гвоздя и вышел.

– Никита, стой! – закричала ему вслед Лена. – Что у вас случилось-то?

Лавров нажал на кнопку лифта и, не отвечая, поехал вниз.

На улице не на шутку разбушевалась непогода. Чернильную кляксу неба прорезала молния, раздался оглушительный раскат грома, взвыли сигнализацией машины, и взметнулись во внезапном порыве ветра опавшие листья. Никита едва успел добежать до ближайшего подъезда, как хлынул ливень.

– Давно такого ливня в столице не наблюдалось, – раздался рядом голос, и Лавров, пребывавший в полной уверенности, что он один, испуганно обернулся.

– И-извините, я вас не заметил, – заикаясь, сказал он маленькому седовласому старичку.

– Помнится, в году так шестьдесят седьмом была сильная гроза, но такого светопреставления и тогда не случилось. Смотрите, никак молния ударила в дерево... – указал он пальцем, и Никита, подняв голову, замер с открытым ртом: молодой стройный ясень под проливным дождем горел, как новогодняя свечка. – Вот так видишь своими глазами – и верить приходится. А что это на самом деле – господь один знает.

– Глаза обманывают? – усмехнулся Никита, скорее, чтоб просто поддержать разговор, чем действительно из интереса.

– Душа лжет, – ответил старичок. – То есть она-то и согласна бы сказать правду, но ее слабый голос никто не слышит. Когда она отчаивается пробиться к разуму, ей приходится сдаться, и она идет на оговор.

– Кого? – удивился Никита.

– Самой себя.

Повисла тишина. Никита не мог понять смысл произнесенных старичком фраз, они казались ему бредовыми, хотя человек рядом выглядел вполне вменяемым.

«Наверное, я схожу с ума, – уныло подумал Никита. – Вошел в подъезд, который как раз осветила яркая вспышка молнии, и тут было пусто. Затем невесть откуда появляется собеседник и говорит со мной замысловатыми фразами, а я ему отвечаю. Да так, что сам же себя и не понимаю...»

– Не все способны понять себя, – заявил вдруг старик, будто отвечая на мысли Никиты.

– Вы, простите, кто? – осторожно спросил Лавров.

– Эх, молодой человек, разве ж это важно на самом деле – кто? Истине неважно, из чьих уст она прозвучит, потому что в любых одеждах, в какие бы ни рядилась, она все равно остается истиной.

Наверху хлопнула дверь, и на лестницу с лаем выскочила собака. Никита оглянулся на великолепную афганскую борзую с расчесанной длинной шерстью, машинально проводил ее взглядом и только открыл рот, чтобы спросить: «А что есть истина?», как понял, что в подъезде он снова один. Старичок исчез. Наверное, вышел, пока Никита таращился на пса.

Дождь прекратился, прямо перед подъездом шелестел осенней листвой ясень, целый и невредимый, без малейших следов огня.

Никита подошел поближе, задрал голову и так стоял, тупо глядя на дерево и пытаясь понять, что же все-таки произошло, пока боль в шее не стала нестерпимой.

Ветер стих, небо немного прояснилось, и выглянуло солнце. Никита шел, стараясь привести мысли в порядок, а в голове калейдоскопом крутились события, лица, фразы. И вопросы, вопросы, вопросы... Но ни на один пока не нашлось даже спорного ответа.

Лужи задорно поблескивали, однако Никита не видел ничего вокруг, и потому ноги его промокли, а полы длинного плаща выпачкались в грязи. Он шел, как лошадь, у которой отпустили поводья, без всяких мыслей и планов, надеясь, что дорога сама выведет его куда-нибудь.

Какой-то дерзкий мальчишка, пробегая мимо, едва не спихнул Никиту в яму, выкопанную посередине дороги. Чтобы удержаться на ногах, Никита ухватился за фонарный столб и буквально носом уткнулся в объявление:

«Потерялась собака, черная с рыжим подпалом, прошу вернуть... Алтышников переулок...»

– Собака... Алтышников... – пробормотал Никита и осторожно пошел по краю ямы, стараясь не соскользнуть вниз. Какая-то мысль навязчиво крутилась в мозгу, но Лавров никак не мог ее поймать.

Обойдя, наконец, грязь, Никита огляделся, прочитал над соседней дверью надпись «Интернет» и хлопнул себя по лбу.

– Боже, какой я идиот! С этого и надо было начинать.

Глава 4

У Славика Косова в жизни была только одна страсть – компьютеры, и любил он их трепетно и нежно. Вероятно, парень родился с платой и паяльником в руках, да так больше с ними и не расставался. По той же причине Славик был практически всегда дома, и если его все-таки не удавалось застать, то это означало, что он наконец решился сбегать в магазин за продуктами или у него закончились компьютерные детали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.